

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

КАТЕРИНА ДАЙМОНД

АНГЕЛ

Психологический триллер (АСТ)

Катерина Даймонд

Ангел

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Даймонд К.

Ангел / К. Даймонд — «Издательство АСТ»,
2017 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-117974-8

Молодого парня по имени Гэбриел обвиняют в непреднамеренном убийстве бездомного и заключают в тюрьму – причем он сам не уверен, точно ли совершил это преступление. Одновременно с этим в городе происходит зверское убийство супружеской пары неизвестными, похожими на сектантов. Полицейские Имоджен и Майлз ведут расследование обоих преступлений, пытаясь отыскать между ними связь. Но очень скоро события начинают затрагивать их жизнь напрямую.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-117974-8

© Даймонд К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	38
Глава 8	40
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	56
Глава 14	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Катерина Даймонд

Ангел

*Посвящается Оливеру. Трудись усердно и постарайся не угодить в тюрьму. С любовью,
Мама.*

Роман от начала и до конца является вымыслом. Имена, характеры персонажей и события, описанные в книге, – плоды авторского воображения. Любые совпадения с портретами реальных людей, живых или умерших, с происшествиями, случившимися в действительности, как и с изображенными в тексте местами, существующими на самом деле, следует считать абсолютно случайными.

Пролог

1986 год

Снег толстым слоем укрыл подъездную дорожку, как и почти весь городок. Он неумолимо валил с самого утра, хотя прогноз погоды в новостях накануне обещал всего лишь легкие осадки. Мартина выглянула на улицу. Все вокруг спряталось под глубоким девственно-чистым покрывалом, ставшим эдакой идиллической снежной тюрьмой. Рождественская елка соседа валялась у баков с мусором. Мусорщик отказывался увозить ее на свалку уже несколько недель подряд, но упрямый старикан Маррей продолжал оставлять ее там в знак протеста. Даже отбросы стали выглядеть симпатичнее, когда их присыпал снег.

Она прикинула, сколько еще проспит младенец. Он ведь проснется голодным, а у нее закончилась детская питательная смесь. Муж прочно застрял на работе, ей же никак нельзя остаться без еды к моменту пробуждения Джейми. О походе по магазинам не приходилось и мечтать. Без сомнений, большая часть их сегодня даже не открылась.

Мартина подбросила в камин еще одно полено. Пусть в доме и так тепло, ей нравилось ощущение безопасности, излучаемое ярким пламенем дров в очаге. Именно этот огонь составлял ей компанию, когда она была одна, а ребенок спал. Она уже сбилась со счета и не могла припомнить, сколько раз за последнее время мужу приходилось задерживаться на работе. С тех пор как у них появился малыш, Мартина приобрела почти твердую уверенность: супруг завел роман на стороне. Впрочем, она всегда знала, что поначалу играла роль «призовой» жены, чей внешний блеск основательно померк за последний год или чуть больше. Беременность запустила процесс деградации, а послеродовая депрессия довершила дело. Мартина даже представить себе не могла, насколько будет трудно, как одиноко. Она сняла трубку с красного бакелитового городского телефона, полученного в подарок на Рождество, и набрала номер соседей.

Чарли и Софи поселились через дом от них три года назад, и за это время семьи сдружились. Мартина и Софи забеременели одновременно и вместе прошли через этот сложный период.

На звонок ответил Чарли.

– Привет, Чарли.

– Мартина? У вас все в порядке? – Он говорил шепотом.

– Прости. Я вас не вовремя потревожила?

– Нет. Просто Софи подхватила грипп. Она спит, не хочу ее будить.

– О! А я звоню всего лишь узнать, нет ли у вас в запасе детской питательной смеси, которую можно одолжить. У меня закончилась, и, когда малыш проснется, нечем будет его покормить.

– Да, у нас найдется лишняя баночка... Я принесу тебе... Подожди у телефона.

Его голос слегка дрогнул.

– Что-то не так?

– Думаю, придется взять с собой нашего парнишку. Софи сейчас не в состоянии им заниматься.

– А сам-то ты ел? – спросила Мартина. – Предлагаю обмен. Еда для взрослых на детское питание.

– Звучит прекрасно. Ты уверена?

– Здесь только мы с младенцем. Ты окажешь мне огромную услугу, и это меньшее, что я могу сделать в ответ.

– Хорошо. Дай мне полчаса, чтобы приготовить суп для Софи и покормить сыночка, а потом я приду.

– Тогда до скорого.

* * *

Мартина налила в воду пену и наблюдала, как она пузырится. Зачем она принимает ванну? Ее приятно взволновала перспектива, что гость придет один, но она ощущала из-за этого чувство вины. Возможно, она впервые подумала о Чарли как о мужчине. Обычно он всего лишь муж Софи, сосед, однако мысль о встрече наедине неожиданно заставила воспринять его иначе. Теперь он становился для нее просто Чарли.

Она накрутила волосы на бигуди; голова вымыта только вчера, восстановить прическу труда не составит. Да, она прихорашивается для мужчины, который ей не муж. Но вина за это целиком лежит на супруге, заставившем жену чувствовать себя уродиной и во время беременности, и после рождения ребенка. Она знала, что вовсе не страшная, а потому радовалась возможности легкого флирта, способного укрепить ее уверенность в себе, побудить прикладывать усилия для возвращения прежней красоты. Мартина попрыскалась туалетной водой «Опиум» и остановила выбор на зеленом платье из шифона. Красное выглядело, пожалуй, чересчур смело, а это придавало ее карим глазам смягченный оттенок темного шоколада. Она осмотрела себя в зеркале и потянулась за помадой своего цвета. В журнале «Космополитен» она вычитала, что следует накладывать губную помаду в тон сосков, если нужно привлечь кого-то. Можно подумать, этот кто-то сумеет разглядеть, какого они цвета. Удивительно, что читательницы подтверждали эффективность метода.

В дверь позвонили, и Мартина пошла открывать, чувствуя учащенное сердцебиение. Снаружи по-прежнему было светло; солнце уже закатилось, но снег отражал сияние уличных фонарей. Мартина с удовлетворением заметила в глазах Чарли блеск, означавший признание ее эффектной женщиной. Давненько ей не доводилось ловить на себе подобные взгляды, и, конечно, меньше всего она ожидала их от собственного мужа. Сосед подал ей баночку с детским питанием. Мгновение она растерянно смотрела на эту жестянку, словно успела забыть, зачем пригласила Чарли. Затем с улыбкой развернулась и пошла в дом, оставив дверь открытой и не задавая вопросов. Поставила баночку у раковины в кухне и обернулась, заметив, что гость стоит и намного ближе, чем она ожидала. От нее не укрылось, как он тщательно старается удерживать взгляд на ее лице, не позволяя ему спускаться ниже.

– Выпьешь немного вина?

– Пожалуй. Звучит заманчиво. Можно куда-нибудь пристроить малыша? Он снова задремал.

– Разумеется. Уложи его в колыбель к Джейми.

Чарли поднялся на второй этаж, а Мартина оправила платье и расстегнула еще одну пуговицу. Она извлекла из духовки жареную курицу, приготовленную на вечер, поставила блюдо на стол, приготовила приборы на двоих и вынула из холодильника бутылку белого вина.

Чарли вернулся и сел за стол, немного нервно огладив руками брюки. Мартина положила на его тарелку салат и куриную ножку, пока он наливал им обоим вина. Она слегка откашлялась, чтобы прочистить горло. Происходящее напоминало свидание, которое вроде бы не входило в ее намерения. Или все-таки входило?

Она старалась думать о Софи, прикованной к постели, и о муже, которого задержал на работе глубокий снег. Маленькие городки, расположенные вокруг мегаполисов, не пользовались особым вниманием властей: никто не посыпал дороги солью, делая их пригодными для езды.

Они поели, беседуя о пустяках, пока младенцы спали. Мартина откупорила вторую бутылку вина, осознавая, что уже немного пьяна. В желудке ощущалось приятное тепло, какое она обычно чувствовала, только выпив достаточно много. Но она уже давно не позволяла себе расслабляться, и ей даже в голову не приходило, до какой степени напряжена она в последнее время. Беседа с другим мужчиной позволила ей понять, насколько скверно складывались ее разговоры с мужем. Он неизменно заставлял ее чувствовать себя глупой или затыкал ей рот, не давая вымолвить ни слова.

Его одержимость сыночком поглотила жизни обоих, единственным смыслом существования Мартины стало обеспечение младенца всем необходимым. Она, конечно, не могла злиться на Джейми, но ненавидела перемену, привнесенную им в поведение мужа, которого окружающий мир отныне интересовал только из-за влияния, какое тот оказывал на его ребенка. Складывалось впечатление, будто он впервые в жизни полюбил, и сила этого чувства доводила его до легкого умопомешательства. Она гадала, что же тогда он испытывал к ней. Не были ли его прошлые признания порождением похоти или просто того факта, что она пользовалась успехом у мужчин.

Нет, надо стряхнуть эти мысли и попросить гостя уйти. Время приближалось к восьми вечера, и странным образом встреча превратилась в нечто серьезное и даже опасное. Когда допили вторую бутылку, Мартина поймала на себе взгляд Чарли. За последние полчаса он успел рассмотреть ее колени, грудь, глаза, а сейчас вглядывался в губы. Чарли медленно наклонился, чтобы поцеловать ее. Она тоже потянулась к нему, и они соприкоснулись как раз посередине стола. Преодолев черту, они уже не могли остановиться и неуклюжим движением обнялись, почти врезавшись друг в друга; поднялись, возясь с пуговицами и молниями, приближая окончательный телесный контакт.

Платье Мартины упало на пол, и она почувствовала на своей груди влажные губы Чарли – незнакомые губы, не принадлежащие мужу. Они не были ни лучше, ни хуже – просто другие. Она не могла больше притворяться верной женой, зная, что и супруг не безупречен. Вероятно, он сейчас лежит перед другим камином, с другой женщиной. А потому ей нечего стыдиться. Это он не давал ей почувствовать нежность и потому сам виноват. По крайней мере, именно так она говорила себе.

Чарли двигался вместе с ней, прижимался все крепче. Это был ее первый секс после рождения ребенка. Прошло несколько месяцев, она прекрасно себя чувствовала. Она все еще привлекательна – эту мантру Мартина не уставала повторять каждый раз, когда муж злился на нее за новое платье, прическу или нижнее белье. Для него она перестала существовать. Он знал только малыша и кого-то еще, с кем встречался тайно. Хотя он все равно никогда не узнает о случившемся. Теперь у нее тоже появится маленький секрет.

Она никогда больше так не поступит, дала зарок Мартина. Ей придется сразу же вдобавить это в голову Чарли. Если муж ненароком проведает об их близости, у нее будут крупные неприятности, а соседа он, пожалуй, даже способен убить. Некоторые его поступки шокировали и вызвали отвращение, а заверения, что это спонтанные и в целом не свойственные ему вспышки, звучали с каждым разом все менее убедительно. Отбросив мысли о муже, Мартина повлекла Чарли к дивану и села, позволив ему действовать. Его руки жадно обхватили ее тело, он заставил ее откинуться назад и раздвинул ей ноги, чтобы пристроиться между ними, – все это он делал совершенно иначе, чем муж.

Чарли уже заходил в экстазе, ее ногти вонзились в его спину, а он впился губами в ее шею и двигался все быстрее. Никогда прежде она не делала этого с другим мужчиной и удивилась, насколько это приятно. Они наслаждались до тех пор, пока он наконец не издал блаженный стон. Почти одновременно раздался детский плач. Чарли распластался на ней, они оба рассмеялись. Ее смех получился нервным, прозвучал признанием, что вот вернулась обычная жизнь, а случившееся только что совершенно непростительно. Спустя минуту Чарли встал и

аккуратно надел брюки, взглядом ища на полу рубашку. Мартина поняла, что и он глубоко шокирован. Он пришел в гости, и в мыслях не держа ничего подобного. Теперь же путь назад отрезан.

– Это твой, – сказала Мартина.

– Прости, что? – переспросил Чарли с все еще раскрасневшимся лицом, выдававшим тяжелое чувство вины, терзающее его.

– Плачет не Джейми.

– А... Ясно.

Она поняла, что его обрадовала возможность отвлечься, гость поспешно обулся и бросился наверх. Мартина тоже воспользовалась возможностью найти одежду и быстро застегнула пуговицы на платье.

– Мартина! О боже мой, Мартина! – Голос Чарли зазвенел, перекрывая звук плача его сынишки.

– Что такое?

Она буквально взлетела на второй этаж и ворвалась в детскую. Чарли держал на руках своего младенца, в ужасе не отрывая взгляда от колыбели. По выражению его лица она все поняла. Даже не заглянув в кроватку, она почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Джейми, ее маленький сынок, которого они с мужем так отчаянно стремились зачать, посинел. Сердце Мартины остановилось.

– Что же делать?

Чарли передал ей своего сына, достал Джейми из колыбели и бросился с ним в ванную.

– Вызови скорую! – крикнул он.

Она побежала за телефоном и вернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Чарли наполняет ванну теплой водой. Он положил в нее Джейми и поливал, пока ребенок не согрелся, затем снова поднял крошечное тельце и завернул в полотенце, непрерывно массируя его грудь. Мгновение спустя Джейми заплакал, но не привычным громким плачем, а чуть слышно и сдавленно. Мартина чувствовала себя совершенно беспомощной.

Через несколько минут они услышали завывание сирены. Ничто не могло заставить машину скорой помощи двигаться быстрее, чем несчастье с младенцем, даже снег не задержал ее – на колеса надели специальные цепи. Чарли насквозь промок, а Мартина могла лишь неподвижно стоять, наблюдая, как санитары заворачивают ее дитя в одеяла и поспешно уносят в машину.

– С ним все в порядке? С моим малышом все хорошо? – в отчаянии спрашивала она.

– Необходимо тщательное обследование. Много зависит от того, как долго он был лишен кислорода. Есть вероятность необратимого повреждения мозга, но сейчас никто не может этого знать. – Один санитар смотрел Мартине прямо в глаза, второй упорно избегал ее взгляда.

Чарли сгреб сына в охапку и последовал за Мартиной, застегнувшей оставшиеся пуговицы на платье и снявшей с вешалки пальто. Она заметила автомобиль мужа, остановившийся на подъездной дорожке, когда санитары уже усаживались в микроавтобус. Один протянул руку, чтобы помочь и ей залезть внутрь. Она видела, как муж вышел из машины и направился к ним. Он оглядел платье жены полным недоумения взглядом. Она осмотрелась и обнаружила, что вдела пуговицы не в те петли. Затем он покосился на Чарли, чьи брюки еле держались на бедрах, а подол рубашки в одном месте торчал наружу. Было совершенно ясно, что именно здесь недавно произошло.

– Мартина? Какого черта здесь творится?

– Прости. Это Джейми. Он перестал дышать.

– Вы едете с нами, мэм? Нужно торопиться. Он не имел доступа к кислороду по меньшей мере две минуты, стоит поскорее показать его доктору. – В голосе санитаря звучала неподдельная тревога.

Мартина отчетливо видела, как лицо мужа исказил панический страх.

– Нет, с вами поеду я, – заявил он, встав перед Мартиной так, словно ее вообще не существовало.

– Прости! Я бы никогда этого не допустила! – выкрикнула она.

Слезы хлынули из глаз. Она уже знала: он прекрасно понял, чем она занималась.

– Послушай, друг... – произнес Чарли, уперев взгляд в носы ботинок.

– С вами обоими я разберусь позже!

Он забрался в машину и захлопнул за собой дверь.

Мартина наблюдала, как микроавтобус отъезжает от их дома. В ту же секунду сын Чарли разразился ревом, нормальным плачем, свойственным здоровым младенцам, оказавшимся на пронизывающем холоде. Она не нашла в себе сил даже взглянуть на него. Вбежала в дом и с грохотом захлопнула дверь. Она не могла снова впустить Чарли. Только не сейчас!

* * *

Зазвонил телефон, Мартина сняла трубку. Это был муж.

– С ним все в порядке?

– Я хочу, чтобы ты убралась из дома к нашему возвращению. Не желаю больше никогда тебя видеть.

– Но... Это же несчастный случай!

– Я знаю, как все произошло. Знаю, что ты сделала. Любой бы догадался, только взглянув на вас обоих.

– Я чувствовала себя такой одинокой. Понимаю, мне нет оправданий, но, когда появился Джейми, ты постоянно внушал, что я никчемна. Мне просто захотелось снова ощутить себя женщиной, хотя бы на один вечер. Я не знала, что такое может случиться. Ты прекрасно понимаешь, что я не виновата!

– И поэтому все в порядке.

– Нет. Разумеется, нет.

– Он сейчас в реанимации. Хочу предупредить: если малыш не выкарабкается, то и тебе станет незачем жить.

– Пожалуйста...

– Вы оба пожалеете, что еще не умерли.

Он бросил трубку.

Мартина знала: муж не из тех, кто разбрасывается пустыми угрозами. На ее глазах он совершал поступки, заставившие бы других женщин бежать от него без оглядки как можно дальше. Она знакома с темной стороной его личности, которую не замечали другие люди. Поначалу это даже возбуждало. То, как смотрели на него в некоторых пабах или ночных клубах, когда он входил, как люди расступались перед ним, явно опасаясь. Окончательно она поняла, что ей нужен именно этот мужчина, после одного случая: однажды на улице он сунул зазубренное горлышко разбитой бутылки в лицо грубияну, нахамившему Мартине. Никто прежде не заступался за нее подобным образом. Вот и сейчас он не дает спуска, только уже ей.

Она достала из шкафчика в ванной пузырек с валиумом, а потом принесла из кухни бутылку джина. Мартина и в самом деле не смогла бы жить без своего сына. Жить с грузом на совести из-за того, что ее не было рядом, когда малыш больше всего нуждался в помощи. Жить, вспоминая, как он лежал без сознания в комнате на втором этаже, пока она бессмысленно развлекалась с мужчиной, которого даже не находила особенно привлекательным. Муж ясно дал понять: она больше не будет частью жизни Джейми, значит, ей осталось только принять эти таблетки одну за другой, запивая каждую глотком джина. Она еще не успела полностью протрезветь после вина, выпитого за ужином, и решение далось легко. Она уходила на своих

условиях, желая дать мужу почувствовать такую же боль потери, какую испытывала сама. Пусть он пожалеет о том, как разговаривал с ней, поймет, что ему стоило вовремя вернуться домой, чтобы спасти жену. Ей хотелось заставить его осознать, что в случившемся есть немалая доля его вины. На сей раз последнее слово останется за ней.

Глава 1

2017 год

Гэбриел Уэбб стал убийцей. Он еще сам не знал об этом, но до конца дня ему предстояло изведать чувство, которое испытывают, отняв чью-то жизнь. А пока он включил громче музыку в спальне, чтобы заглушить голоса родителей, ссорящихся из-за него.

Их реплики то и дело сводились к тому, что он «окончательно отбился от рук» и его необходимо «жестче контролировать». Мать предлагала отправить его пожить у тетки в Челтнэме. Отца обуревала идея отдать сына в армию, где тот поймет, «как хорошо было дома». А все потому, что Гэбриел отпустил волосы до плеч и иногда подводил глаза косметическим карандашом.

Он натянул панковские брюки в красную клеточку и обулся в тяжелые башмаки «Нью рокс», продев шнурки через хромированные люверсы в их передней части. Перебрал верхнюю одежду, выбирая, что наденет сегодня. Какой наряд наилучшим образом подойдет к запланированному. Мобильный телефон подал сигнал, и Гэбриел взглянул на дисплей. На нем отобразилось множество эмодзи, каждый из которых означал возбуждение его подружки Эммы, фигурировавшей в списке контактов как Прозерпина, Римская Богиня и Королева Преисподней. Он же в ее телефоне значился под псевдонимом Плутон, Бог Смерти. Мрачная и темная символика – вот чем по большей части привлекали их готы¹. Сегодня вечером они собирались на концерт нью-металл группы «Апокалиптика»² в местном клубе – редкий случай в нынешнем Эксетере, где по всему городу расплодились сплошные джин-бары для артизан-хипстеров³.

Гэбриел влез в черную, всегда как будто мокрую на вид велосипедную куртку. Она подчеркивала его стройную мускулистую фигуру, и ему нравилось, как Эмма смотрела на него, когда он был в этой куртке. Он ловил взгляд подружки на своей груди, а она тяжело сглатывала, подавляя желания, вызванные видом его тела, до той поры, пока они не оставались наедине.

Затем он вынул из шкафа черный кожаный корсет на ремешках с застежками и надел его, хотя в голове вертелись насмешки родителей: «Мужчина в корсете? Вот умора!» Он не утягивал талию. Он отдавал дань моде, а вовсе не стремился подчеркнуть сексуальность. Впрочем, его не особенно беспокоило мнение родителей. Одежда – это способ самовыражения. Он совершенно не собирался шокировать кого-то или демонстрировать дух воинственного протеста. Но всегда удобнее быть «в своей шкуре», а в этом наряде Гэбриел ощущал себя особенно хорошо. Он обернул запястья и предплечья черной изолентой, потом черным карандашом для подводки глаз нарисовал звезду на левой щеке. Все. Он готов.

Когда Гэбриел вышел на кухню, мать глубоко вздохнула и полностью сосредоточилась на содержимом раковины. Она явно не хотела участвовать в разговоре, который неизбежно должен был начаться.

– Какого дьявола? Во что это ты вырядился?

Лицо Майкла Уэбба, отца Гэбриела, приобрело грозное выражение, в чем не было ничего необычного. В последнее время он всегда так приветствовал сына.

– В одежду.

---

¹ Готы – возникшая в конце 1990-х годов молодежная субкультура, сформировавшаяся на базе движения панков. – *Здесь и далее прим. переводчика, если не указано иное.*

² «Апокалиптика» – финская группа, исполняющая металл-рок на виолончелях. – *Прим. редактора.*

³ Артизан-хипстеры – еще одна субкультура, к которой принадлежат люди чуть более старшего поколения, чем готы.

Гэбриел взял яблоко и надкусил его. Он на голову перерос отца, но все равно чувствовал дискомфорт. Он не скажет того, что хочет. Никогда не говорил и сейчас не будет. Он послушает ворчание отца и все равно уйдет. Так лучше.

– Ты же не девка, черт бы тебя побрал! Когда начнешь вести себя как настоящий мужчина? – подпустил шпильку отец. – Кто возьмет на работу человека, который так выглядит? Бога ради, тебе уже девятнадцать. Не пора ли повзрослеть?

– На такую работу, как твоя? Это ты имеешь в виду? – парировал Гэбриел. – Значит, я тоже должен превратиться в дрона?

– Моя работа дроном помогает оплачивать покупку ужасных штанов, которые ты носишь! Что за дурацкие полосы и цепи с тебя свисают? Какое послание они доносят до окружающих?

Отец с силой потянул за веревку, на которой держались брюки, словно хотел порвать ее. Потом посмотрел на сына с презрительной усмешкой.

Гэбриел улыбнулся в ответ, не разжимая губ. Он раздумывал, не врезать ли папаше в челюсть, как сделал однажды.

– У тебя ко мне что-нибудь еще?

Он наклонился к отцу, скрестив с ним взгляды и упорно стараясь не отвести глаза первым.

Злоба в отцовском взгляде на мгновение померкла от неожиданности.

– Не провоцируй меня на разговор о твоём лице. Мужчины не пользуются косметикой. И что это еще за звезда? С ней ты похож на коммуниста хренова!

– Майкл! Следи за языком! – вмешалась все-таки Пенни, мать Гэбриела.

– Встречаюсь с друзьями, возможно, ночевать не приду.

Гэбриел вышел, покачивая головой, и летящие вдогонку оскорбления отца звучали все глуше по мере того, как он удалялся от входной двери. Он повел себя как никогда неуважительно, но именно сегодня не мог долго выносить всю эту чушь. Было бы жалко позволить отцу испортить его превосходное настроение. Он шел на свидание с Эммой. Он заранее отправил сообщение, подруга, наверное, уже ждет. Она живет всего в трех кварталах.

Впервые Гэбриел обратил на нее внимание, когда она работала в ближайшем супермаркете, порой трудясь и по выходным. Причем всегда приосанивалась, если он проходил мимо, и потому понятно было, что тоже положила на него глаз. Однажды он пригласил Эмму на свидание. Она мгновенно согласилась, и дальнейшее стало частью их совместной истории.

Она стояла перед своим домом в компании новой подружки Лианн. Гэбриел заметил, что при виде него глаза Эммы загорелись, и она с шумом втянула воздух, что неизменно возбуждало его. Он знал, о чем она успела подумать, быстро окинув взглядом его тело. Он чувствовал то же самое. Между ними всегда возникало что-то вроде электрического поля; рядом с ней у него невольно сбивалось дыхание и восстанавливалось, только когда они снова оказывались в объятиях друг друга. Он всегда предвкушал следующий поцелуй.

– Ты снова сменила прическу.

Он указал на ее волосы: корни она выкрасила в неоновую-красный, а остальные пряди черным спутанным покрывалом ниспадали на спину. Эмма прикусила вдетую в губу сережку и улыбнулась Гэбриелу. Лианн явно понятия не имела, до какой степени мешается, повиснув на руке подруги. Глаза Эммы сказали: «Позже», и Гэбриела странным образом взволновала вынужденная необходимость подождать с ласками.

– Мы встретимся с приятелями Лианн. Они тоже пойдут с нами.

Гэбриел не слишком хорошо знал Лианн, которая в последнее время крепко привязалась к Эмме. Обе работали в супермаркете «Теско» по субботам. Втроем они пошли через Хеавитри и автобусную станцию. Потом двинули на окраину. Миновали тюрьму, достигли ограды, которая отделяла железную дорогу от улицы, чтобы местная малышня или кошки не соскользнули на рельсы и не угодили под поезд.

Начало моросить. У ограды Гэбриел заметил двух парней лет под двадцать, которые ждали их под дождем, натянув капюшоны. Лианн перепрыгнула через проволочную сетку и скрылась по другую сторону. Гэбриел и Эмма последовали за ней.

Заброшенная сигнальная будка возле главного вокзала Эксетера стала местом встреч сомнительных типов, с которыми Лианн водила дружбу. Пока они спускались, сначала раздался странный шум, потом донесся звук разбивающегося стекла. Гэбриела приятно волновала эта суровая атмосфера. Он всегда считал, что хуже скуки только родительские дразнилки или перепих. Но сегодняшней вечер не будет пресным. Он позаботится об этом.

Гэбриел уже встречал в городе парней, стоявших сейчас у железнодорожных путей. Их прозвали Переулочниками. Большинство горожан считали их отбросами общества. Переулочник Погорельцев вообще пользовался репутацией пристанища бандитов. Его обитатели действительно были способны на все – от мелких правонарушений до ограблений. Детей там бросали, чтобы те сами, как умели, заботились о себе, а взрослые делали все, что хотели. И никто, за исключением подростков, не испытывал там ничего похожего на чувство единения.

Некоторые юнцы заявляли, что их группировка произошла от «Неуловимой банды» – группы футбольных хулиганов, болельщиков команды «Эксетер», печально знаменитых в восьмидесятые годы. Эта банда славилась драчливостью, но в то же время была почти легендой. Никто из подростков не мог с уверенностью утверждать, что «неуловимые» существуют на самом деле. Это, как ни странно, только нагоняло страх на новые поколения мальчишек, ровесников Гэбриела. У каждого молодого Переулочника имелась своя история о «Неуловимой банде» (обычно сильно преувеличенная). Одни якобы видели убийство, а другие признавались, что «Неуловимые» оказали им неимоверно важную услугу и в любой момент могли потребовать вернуть должок.

Внутри сигнальная будка была обставлена наподобие офиса. Все рычаги прочными цепями крепились к стене, хотя, скорее всего, они давно уже не соединялись с рельсами. Посередине стояли три кресла, повернутые к центру помещения, а пол усеивали пакеты, бутылки, шприцы и прочий мусор. Гэбриел оставался на ногах, готовый сбежать в любой момент, если обстановка станет враждебной. Эмма устроилась в кресле, поджав ноги, и обхватила себя руками, потирая ладони, чтобы согреться.

– Это Трей, а это Крис, – указала Лианн на своих приятелей, занявших два других кресла. – Вот ведь, мать твою, холодина!

Гэбриелу не нравилось, как парни разглядывают Эмму. Будто ее привели исключительно ради их развлечения. Ему была ненавистна мысль, что она надела короткую юбочку и колготки в сеточку, чтобы привлечь посторонние взгляды. Так могли подумать только люди, не принадлежавшие к их кругу. Готы одеваются только ради самих себя. Гэбриелу никогда бы и в голову не пришло диктовать Эмме, что носить, а у нее из-за стиля одежды возникали такие же проблемы с родителями, как и у него. Сегодня она облачилась в черную джинсовую мини-юбку, колготки, напоминающие блестящую сеть для рыбной ловли, и сапоги до колен. Он прекрасно понимал, о чем сейчас думают парни. Воображают, как далеко готова зайти Эмма – только из-за ее черной кожаной куртки и пирсинга. Такие знакомые абсолютно не нравились Гэбриелу.

Эмма неловко заерзала в кресле. Гэбриел пожалел, что у него нет плаща, которым можно было бы укрыть ее.

Один из парней достал трубку для крэка, и Гэбриел стиснул зубы. Какого дьявола их сюда занесло? Авантюра становилась слишком опасной. Прежде Гэбриел несколько раз курил «травку», даже пробовал сканк⁴, но это? Нет, здесь ему решительно не нравится.

Окружающим часто казалось, что Гэбриел сидит на наркоте – из-за его худобы, длинных волос и подведенных глаз. Такой уж у людей склад ума. Они склонны делать выводы на пустом

---

⁴ Сканк – наркотик из грубой конопли. По воздействию значительно сильнее марихуаны.

месте. Однако происходящее сейчас никак не вписывалось в то, что сам Гэбриел считал веселым времяпрепровождением. Эмма виновато посмотрела на него. Она знала, до какой степени он ненавидит такого рода подонков.

Переулочники ухмылялись и поглядывали на Гэбриела.

– Хочешь?

Один протянул ему потемневшую, покрытую грязными пятнами трубку.

– Нет, спасибо.

– Уж не собираешься ли ты создавать нам проблемы? – спросил второй.

Гэбриел пригляделся к нему пристальнее. На шее красовалась татуировка с именем – Трей. Гэбриел чуть заметно помотал головой, наблюдая, как Трей, улыбаясь, вертит между пальцами стеклянную трубку.

– Тут холодно, как на морском дне, ядрена вошь! – потирая руки, сказал тот, которого, как уже знал Гэбриел, звали Крисом.

Трей вложил несколько щепоток крэка в трубку, дважды глубоко втянул воздух, словно собираясь нырнуть в море, и поднес мундштук к губам. Под стеклянной чашей трубки он держал включенную зажигалку и осторожно поворачивал черенок пальцами, когда втягивал молочного оттенка дым. Выражение его лица изменилось, он откинулся на спинку кресла. Крис забрал у него трубку. Гэбриел заметил, что Лианн следит за подругой, явно пытаясь понять, как та реагирует, нравится ли ей происходящее. Эмма же снова дрожала.

– Надо уходить. Здесь слишком холодно, – сказал Гэбриел. Солнце стремительно садилось, и ему не хотелось пересекать рельсы в полной темноте. К тому же он действительно не желал больше оставаться с этими парнями.

– Зануда, – усмехнулась Лианн, чье лицо приобрело змеиные черты.

– Все хорошо. Мы скоро пойдем. – Эмма улыбнулась Гэбриелу.

Он отметил, насколько по-разному люди ведут себя в зависимости от обстоятельств. Эмма держалась совершенно иначе, когда они оставались наедине. Ее поведение в семье тоже отличалось. Сейчас же она определенно сменила манеру общения из-за Лианн. Стала не похожа на себя. Такой она не открывалась ему ни разу. В оконное стекло застучали капли: полил настоящий дождь.

– Погода совсем испортилась, – сказал Гэбриел, с надеждой глядя на Эмму и стремясь передать ей свое отчаянное желание уйти.

Но она лишь отвела глаза.

– Почему бы тебе не попробовать сделать здесь теплее?

В голосе Лианн прозвучал вызов, может, даже угроза. В ней и раньше было нечто, что внушало Гэбриелу настоящую тревогу, а сейчас это ощущение усилилось.

Гэбриел направился в угол и взял металлическую корзину для мусора, оставленную кем-то. Меньше всего он хотел бурных сцен. Наоборот, сегодняшний разговор с отцом настроил его на оборонительный лад: не исключено, что лишил способности мыслить рационально. Он собрал с пола хлам и сунул в корзину, взял одну из зажигалок, выложенных Треем на стол, и откинул крышку.

– Какого дьявола ты затеял? – спросил Трей.

Гэбриел вылил в корзину бензин из зажигалки и схватил со стола другую. Он понимал, что пытается что-то доказать Лианн. Девушка обладала характером, заставляющим тебя ощущать в ее присутствии собственную значимость. Это объясняло, почему Эмма так странно ведет себя, когда находится рядом с подругой.

– Не вздумай сломать их! – с угрозой воскликнул Крис, по-прежнему не выпуская из рук стеклянную трубку.

Гэбриел поджег обрывок картона и бросил в корзину. Мусор вспыхнул мгновенно. Парень пристально смотрел на огонь, теперь уже не без оснований надеясь, что эта часть вечера

закончится очень скоро. У него вдруг возникло ощущение необычайной уязвимости. Словно вот-вот должно было произойти что-то ужасное.

Глава 2

Детектив-сержант Эдриан Майлз протянул руку напарнице, детективу-сержанту Имоджен Грей, чтобы помочь ей перешагнуть через железнодорожную шпалу. В другой руке он держал мобильный телефон с включенным фонариком, которым освещал мокрую землю под ногами. Имоджен что-то буркнула под нос и, не замедляя шаг, пересекла рельсы без посторонней помощи. Детективы прошли вдоль насыпи и при свете фар пожарной машины добрались до сгоревшей сигнальной будки, откуда когда-то управляли семафором. Даже дым успел рассеяться. Остался только обугленный каркас, с которого капала вода.

– Роскошно выглядишь, Грей, – заметил Эдриан, мимолетно направив луч фонарика в лицо Имоджен.

Отпуская комплимент, он инстинктивно держался вне зоны досягаемости. Волосы напарницы были уложены в высокую прическу, губы покрыты слоем помады. Сегодня у нее явно был особенный вечер. Сам же Эдриан, получив вызов, валялся на диване и смотрел старые эпизоды сериала «Звездный путь».

– Я ужинала в ресторане.

– Ого! Совсем как взрослая.

– Заткнись, Майли.

На самом деле он был рад снова видеть напарницу такой. Ее мать недавно вышла из комы и отправилась на «восстановительный отдых», но Имоджен все еще чувствовала вину за то, что не сумела защитить ее. Считала себя ответственной за случившееся, потому что на мать напали в конце их последнего расследования. Подобные мысли то и дело отвлекали Имоджен от работы, но Эдриан считал за благо не упоминать об этом. Руководствовался простым принципом: захочет – сама расскажет, если сочтет его достойным доверия.

– Как дела у Дина? Все хорошо? Как он себя ведет? – спросил Эдриан, убедившись, что их не слышат стоящие неподалеку полицейские в мундирах.

Вопреки предсказаниям Эдриана, сулившего непременно разлуку, Имоджен все еще жила со своим парнем. Даже несмотря на темные делишки в прошлом, которые, как Дин наверняка убедил подругу, никогда не повторятся, союз получился достаточно прочным. Закон не запрещает жить с бывшим заключенным, но начальство, разумеется, этого не поощряет. Наступит момент, когда их отношения придется предать огласке, и это вызовет косые взгляды руководства – чего сам Эдриан постарался бы любой ценой избежать.

– Он в полном порядке. – Имоджен опустила глаза и улыбнулась. – Сегодня его день рождения, мы хотели отметить его порцией карри в индийском заведении.

– Мудро с твоей стороны не слишком мучить его блюдами собственного приготовления, если, конечно, не хочешь, чтобы он сбежал.

– Не моя вина, что ризотто с грибами в последний раз подгорело, – возмущенно отозвалась Имоджен.

– Нет-нет, на меня ты произвела сильное впечатление. Не подозревал, что в микроволновке что-то может подгореть, не говоря уже о сыром рисе.

Из ночной тьмы появился пожарный.

– Похоже, дело достаточно серьезное, – предположил Эдриан.

Пожарный кивнул.

От главной платформы торопливыми шагами приближался начальник вокзала. Его, судя по всему, тоже вытащили из тепла и уюта.

– Добрый вечер, детективы, – кивнул он.

– Следуйте за мной, – жестом позвал их пожарный.

Они подошли к основанию постройки. Деревянной лестницы больше не существовало, как и всего первого этажа.

– Предумышленный поджог? – спросил Эдриан, доставая блокнот.

– В прошлом нам доставляли неприятности залезавшие сюда дети и бездомные, – вставил начальник вокзала.

– Пока не завершится расследование, ничего определенного утверждать нельзя, но выглядит действительно как поджог, – продолжил пожарный. – Пусть деревянные конструкции были очень старыми, но ночь выдалась дождливая, а судя по сообщениям, огонь распространился с необычайной скоростью. Есть подозрение, что использовали горючее.

– Значит, все-таки поджог? – повторил Эдриан.

– Да, я склоняюсь к такой версии. Источником возгорания послужила корзина для мусора, но нам предстоит еще раз проверить это.

– У вас остались записи с камер наружного наблюдения? – спросила Имоджен.

– Конечно. Мой коллега как раз готовит их для просмотра. Правда, здесь плохое освещение, а в скверную погоду запись может оказаться и вовсе нечеткой, не говоря уже о том, что все случилось ночью. Однако есть небольшая вероятность, что, когда поджигатель покидал будку, зону подсвечивали вокзальные фонари и прожекторы, установленные на мосту.

– Вам сообщили причину вызова? – спросил пожарный, с любопытством переводя взгляд с одного детектива на другого.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Эдриан.

– Мы обнаружили труп.

Детективы невольно переглянулись.

– С этого, наверное, и следовало начинать, – раздраженно произнесла Имоджен.

– Пожар начался в верхней части помещения, а тело лежало в подвале, где расположены механизмы. Скорее всего, это мужчина, не исключено, что бездомный, но все это только догадки, поскольку труп сильно обгорел. Должно быть, залез туда поспать. Они обычно прячутся внизу, поскольку там нет окон. Постоянно ошиваются здесь. Мы узнаем больше, когда следователи детально все изучат, а вы вызовите патологоанатома, чтобы он осмотрел тело до того, как его увезут в морг.

Они двинулись дальше. Пожарный снабдил их абсолютно ненужными касками – ничего не нависало над головами. Потолок и крыша сгорели дотла. Эдриан принялся рыться в мелких обломках остова постройки. Пол тоже выгорел, механизмы покрылись слоем черной сажи, а когда глаза привыкли к мраку, удалось разглядеть среди них нечто, все еще сохранявшее форму человеческого тела. Пожарный направил вниз луч фонарика.

Увидев труп, начальник вокзала закрыл лицо руками и покачнулся. Имоджен посмотрела на Эдриана, и тот кивнул.

– Покажите мне записи с камер, – обратилась она к начальнику вокзала и последовала за ним назад к станционной платформе, предоставив Эдриану разбираться с мертвецом.

Эдриан склонился и осмотрел тело. Оно было непостижимым образом изломано, будто свернулось в позу зародыша в утробе матери, обугленное и хрупкое, с явно заметными точками переломов там, куда обрушился потолок, раздробив череп. Обломки лежали вокруг в виде тонких почерневших щепок – дерево настолько иссохло, что сгорело практически полностью. Эдриан посветил фонариком вверх, где прежде была уничтоженная огнем крыша, а теперь отливало черными чернилами открытое небо. Вернувшись к осмотру, он различил среди прочего хлама крысиный помет и куски влажной, чуть опаленной древесины. Он словно смотрел передачу по черно-белому телевизору. Все выглядело одноцветным, выделяясь лишь оттенками серого. Темно-серый сырой пепел, светло-серый сухой пепел, разнообразных тонов серая пыль, лежащая повсюду. Даже остатки красных кирпичных стен потемнели от сажи.

Появилась группа криминалистов – экспертов по осмотру мест преступления, и Эдриан взял у них две таблички-маркера, яркая желтизна которых казалась особенно сияющей на фоне мрачной обгоревшей постройки. Он сосредоточил внимание на очертаниях трупa, пальцы которого скрючились наподобие когтей. Эдриан вздрогнул, подумав о человеке, прятавшемся здесь от холода, когда начался пожар.

– Сколько времени требуется, чтобы труп приобрел такой вид? – спросил Эдриан у одного из криминалистов, как только убедился, что Имоджен и начальник вокзала ушли достаточно далеко.

– На самом деле это зависит от температуры возгорания. Здесь ограниченное пространство, которое было хорошо изолировано, несмотря на разбитые окна. Кроме того, из-за большого количества металла пламя разгорелось вовсю. Я разговаривал с пожарным. Они потратили не менее сорока пяти минут, чтобы добраться сюда по рельсам. Будка почти не видна издали, и, хотя в ночное время здесь редко ходят поезда, машине то и дело приходилось сигналить, чтобы пропустили. В общем, место труднодоступное. Кто знает, как долго бушевал огонь, прежде чем его заметили. Записи с камер наблюдения позволят составить более точную картину.

– Вы сумеете получить ДНК трупa?

Беседуя с экспертом, Эдриан делал пометки в блокноте.

– Пока не могу ничего обещать, уж извините. Это зависит от сочетания целого ряда факторов. Выясним больше, когда попадем в лабораторию.

– Спасибо.

Эдриан убрал блокнот и отправился за Имоджен. Он шел вдоль рельсов, испытывая странное чувство: у его матери была навязчивая идея, что именно так он погибнет. Задний двор дома, в котором он вырос, выходил на пути станции Сент-Томас в Эксетере, и каждый раз, отправляя гулять, его строго предупреждали, чтобы даже не приближался к железной дороге. Сейчас поезда задержали, и Эдриан знал, что ему ничто не грозит. Но все равно чувствовал себя обманщиком и чуть ли не предателем.

Войдя в кабинет, Эдриан увидел Имоджен и начальника вокзала, просматривающих записи. Он подсел к ним так, чтобы как можно лучше видеть экран. Они прокручивали кадры назад от момента возникновения пожара.

Из будки вышли пятеро. Двое натянули на головы капюшоны. Кажется, это подростки мужского пола. Непрерывно лил дождь. Эдриан смог разглядеть девушку в бейсбольной кепке, но четкого изображения лица получить не удалось. Затем появилась вторая девица в мини-юбке, прикрывавшаяся от дождя газетой. Ее держал за руку еще один юноша, помогая спускаться по лестнице. Высокий, длинные темные волосы до плеч скрывают лицо. Он выделялся вычурным, так называемым альтернативным костюмом.

– Нам ни за что не установить личности по этим записям.

Имоджен развернулась в кресле и посмотрела на него.

– В городе не так много мест, где собирается молодежь из неформальных группировок, Майли. Думаю, я знаю, откуда начать поиски.

Глава 3

Имоджен показала полицейское удостоверение девушке, стоявшей в дверях ночного клуба, и та взмахнула рукой, дав понять, что можно войти. Оказавшись внутри, детектив почувствовала прилив адреналина. Когда-то она хорошо знала подобные заведения, сама была такой же, как эти подростки. Впрочем, против ее легкомысленной матери бунтовать было трудно. Ирен Грей разгуливала по городу в ярких многослойных юбках и кардиганах, курила «травку» и порой скандалила с соседями, считая это актами протеста.

Пока Имоджен была девочкой, мать настойчиво одевала ее в такие же наряды, какие носила сама. Но обретя самостоятельность, дочь переоблачилась в мешковатые черные брюки и куртку с капюшоном, отчасти для того, чтобы не выделяться на общем подростковом фоне, но главным образом сообщая окружающим, что совершенно не похожа на мамашу. Тогда Имоджен и начала посещать местные клубы для готов, и матушка всерьез забеспокоилась, что дочь поразили симптомы того же душевного недуга, от которого прежде страдала она. Но истина заключалась в другом. Имоджен старалась полностью отстраниться от Ирен, хотела сама выбрать, кем ей быть.

Сейчас она сняла заколку с волос и позволила им свободно разметаться по плечам. Впервые за долгое время Имоджен почувствовала фальшь: стало неудобно, что она пришла сюда по служебным делам. Явилась, чтобы помешать веселью, а не принять в нем участие. Ее знакомые готы все до единого враждовали с официальными властями. Она растрепала волосы и поймала недоуменный взгляд Эдриана. Несомненно, он никогда не бывал в таких клубах. Короткие юбочки девушек, корсеты, излишний, почти театральный грим на лицах. Юноши в мотоциклетных очках, в обтягивающей одежде и с подведенными глазами. Только более внимательный взгляд позволял заметить среди посетителей нескольких людей, выпадавших из общего ряда.

– Откуда ты знаешь об этом клубе?

Эдриану пришлось перекрикивать громкую музыку.

– Я много чего знаю. Кроме того, я даже собиралась прийти сюда. Сегодня здесь играет неплохая рок-группа.

– И тебе нравится?

– О да. Мне здесь действительно хорошо.

Эдриан кивнул на стойку бара. Имоджен посмотрела в ту сторону и увидела высокого молодого человека, ждавшего очереди заказать напитки. У него были волосы до плеч и одежда в точности как у юнца на записи с камеры. Такие же панковские штаны в красную клетку, известные как укрепленные, поскольку вдоль штанин крест-накрест шли полосы материи. Дорогая и броская одежда. Пряди волос парень заправил за уши.

Имоджен оглядела его снизу доверху. И ростом, и телосложением он походил на субъекта с записи. Обернувшись, парень встретил ее взгляд, заставив Имоджен слегка покраснеть. Ей пришлось взять себя в руки, прежде чем подойти и показать удостоверение.

– Можно с вами поговорить? – спросила она.

Парень дважды проверил удостоверение, хотя казался скорее сбитым с толку, чем встревоженным. Он залпом выпил содержимое своего стаканчика и последовал за полицейскими в вестибюль.

– Я сержант Имоджен Грей, а это мой партнер, сержант Эдриан Майлз.

– Гэбриел Уэбб.

Парень протянул руку, и Имоджен пожала ее. Этот юноша держался очень прямо. Складывалось впечатление, что он вежлив и нисколько не напуган происходящим.

– Могу я поинтересоваться, где вы были сегодня чуть раньше?

– Гулял с друзьями. Мы болтались по городу.

– У нас есть запись с камеры внешнего видеонаблюдения, где видно, как вы покидаете сигнальную будку у железной дороги.

– Да, конечно, я там был, – он отбросил с лица длинную челку.

– С кем вы там были? – спросил Эдриан.

– А в чем дело? – Гэбриел Уэбб прищурился, но по-прежнему не выглядел человеком, которому есть что скрывать.

– Это вы устроили пожар в сигнальной будке? – спросила Имоджен, от души надеясь на отрицательный ответ. Вероятно, Гэбриел понятия не имел, что в подвале был мужчина. Иначе он вряд ли справился бы с эмоциями. Несмотря на высокий рост, у него было слишком юное лицо. Едва ли ему больше восемнадцати. Хотелось отправить парня домой, прежде чем весь его мир перевернется с ног на голову. С такими вот недорослями всегда труднее всего.

– Да, я поджег мусор в корзине, но он прогорел еще до нашего ухода. Кто рассказал вам об этом?

– Где ваши друзья сейчас? Они здесь?

– Есть что-то, о чем вы мне не говорите, верно? – Бледное лицо Гэбриела стало и вовсе призрачно-серым, когда он начал понимать, что все куда серьезнее, чем показалось сначала. – Я не стану стучать ни на кого, пока не выясню, почему вы спрашиваете.

– Нужно, чтобы вы проехали с нами в полицейский участок, – очень серьезно сказал Эдриан.

Он мельком встретился взглядом с Имоджен, и она поняла, о чем он думает. Они могут разрушить будущее мальчика.

– Придется вызвать следственную группу и допросить всех присутствующих, если не сообщите, с кем вы были, – сказала Имоджен, понимая, что лица девушек на видео скрыты, а их одежда слишком типична, и, если даже они здесь, шансы идентифицировать их почти нулевые.

– Я не могу сказать, с кем был. Я поеду в участок, но стучать не стану.

У Имоджен тревожно засосало под ложечкой, когда Гэбриел сказал девушке у входа, куда его уведут. Они явно были хорошими знакомыми. Имоджен пока не хотела полностью информировать парня. Да, он достаточно высок, чтобы выглядеть взрослым, но под броней подведенных глаз и зловещего с виду наряда он явно чувствовал себя растерянным. Будучи подростком, Имоджен знавала таких мальчишек: они просто носили боевую раскраску, маску, позволявшую стать частью мира, в который трудно вписаться иначе.

В комнате для допросов Гэбриел сел лицом к Эдриану. Сейчас парень вовсе не выглядел спокойным, но он явно понятия не имел о случившемся.

– Мы не знаем, известно ли тебе, – начал Эдриан, – но этой ночью, то есть в пятницу двадцать шестого июля, после того как вы покинули сигнальную будку, в ней вспыхнул огонь. Пожарные далеко не сразу сумели его погасить.

– О боже! – воскликнул парень и нервно заерзал на стуле.

Эдриан попытался прочесть мысли Гэбриела. Казалось, тот ничего не скрывает, но комнаты для допросов повидали слишком много искусных лжецов. Оставалось только гадать, можно ли доверять тому, что инстинкт подсказывал по подводу этого юнца. Воспринял Эдриан его правильно или поддался манипуляции?

В комнату вошла Имоджен со стаканом воды, который поставила перед Гэбриелом, прежде чем сесть рядом с напарником.

– Для записи: детектив Грей вернулась в помещение, – произнес Эдриан в микрофон установленного на столе магнитофона.

– Расскажи нам, что произошло, Гэбриел, – попросила Имоджен.

Эдриан откинулся на спинку стула, позволяя напарнице вести допрос. Складывалось впечатление, что ей удалось наладить доверительный контакт с подозреваемым, и это могло позволить получить честные ответы.

- Я гулял с друзьями, и мы забрались в сигнальную будку.
- Ты бывал в ней прежде?
- Нет, никогда.
- С кем из друзей ты залез туда?
- Разве это имеет значение? Я же сказал, что сам разжег огонь. Нет смысла причинять неприятности кому-то еще.
- Зачем ты разжег огонь? – спросила Имоджен.
- Там было холодно. Дождь лил как из ведра. Я не предполагал, что погода испортится, и не надел плащ. – Он помолчал, откровенно обдумывая формулировку. – Одна девушка продрогла. Корзина была металлическая, и пламя в ней скоро погасло.
- Продолжай.
- Это все. Мы вышли из будки и отправились в клуб слушать группу.
- Эдриан мельком посмотрел на Имоджен. Она выглядела мрачно, в полном соответствии с его собственными ощущениями.
- К сожалению, этот поджог имел очень серьезные и печальные последствия, Гэбриел, – сказал Эдриан.
- Поджог? Не было ничего подобного. Я бы не стал ничего палить.
- Это решать судьбе.
- Судье? Почему? Вы обвиняете меня в пожоге? Но ведь это наверняка был несчастный случай.
- Имоджен шумно вздохнула.
- Боюсь, случилось еще кое-что, – сказала она.
- Если позвоните моим родителям, они возместят любой нанесенный ущерб.
- На самом деле все гораздо серьезнее, – Эдриан прервался и посмотрел на Имоджен. – В подвале будки обнаружили труп, – закончил он.
- Слова Эдриана заставили Гэбриела побледнеть.
- Что?
- Кто-то был в подвале, когда постройку охватил огонь. По всей вероятности, бездомный, но пока мы ничего не можем с уверенностью утверждать, сначала будет проведено детальное обследование трупа и места преступления.
- Нет... Там были только мы, – еле слышно произнес Гэбриел, чья грудь вздымалась от волнения.
- С вами все в порядке? – спросила Имоджен.
- Теперь Гэбриела била крупная дрожь. Казалось, еще мгновение, и его стошнит.
- Вы поможете себе, только честно назвав тех, с кем были в будке. Они подтвердят вашу версию про огонь, разведенный в корзине.
- Можно позвонить родителям? Думаю, понадобится адвокат. А пока мне не стоит ничего говорить.
- Его дыхание стало частым и затрудненным. Он захрипел, стараясь вдохнуть поглубже.
- У вас астма, Гэбриел? – с тревогой спросила Имоджен.
- Он кивнул, уже сражаясь с застежками на кожаном корсете, сжимавшем его талию. Парню явно не хватало воздуха.
- Допрос временно прерван в 00:15, – произнес Эдриан и остановил запись.
- Помогите уложить его, – попросила Имоджен.
- Полицейские опустили Гэбриела на пол. Он был тяжел и неповоротлив, но его следовало успокоить. Парень дугой выгибал спину и вытягивал шею, едва дыша.
- Можно я помогу снять это? – спросила Имоджен, указав на корсет, и Гэбриел кивнул, слезы хлынули из глаз и потекли по щекам.
- У вас есть лекарства? Ингалятор? – спросила Имоджен.

Он помотал головой.

– Что мне делать? – спросил Эдриан.

Подергав за застежки на корсете, Имоджен наконец сумела снять его. Парень жадно втянул воздух. Эдриан мог лишь наблюдать, как напарница гладит лоб Гэбриела. Казалось, его дыхание постепенно приходит в норму.

– Тебе лучше вызвать подмогу.

Имоджен повернулась к напарнику, который постарался скрыть, насколько удивлен ее лаской. Было что-то материнское в том, как она обращалась с Гэбриелом Уэббом. Эдриан подошел к двери и окликнул констебля, отдав приказ привести врача.

– Я в порядке, – прохрипел Гэбриел. – Все хорошо. Иногда со мной такое случается.

– Мы оставим кого-нибудь посидеть с вами, пока не придет дежурный доктор, хорошо?

Гэбриел медленно поднимался, все еще дыша мелко и отрывисто, но уже гораздо спокойнее, чем минуту назад. Эдриан подал ему руку, помогая. Он прекрасно помнил, что чувствуешь, когда тебе девятнадцать. Вроде уже мужчина, но на самом деле – нет. Но и не ребенок. Словно завис в непонятном промежуточном состоянии. Ужасный возраст.

– И что будет дальше? – Гэбриел сел на стул, глядя перед собой невидящим взглядом.

– Зависит от выводов после осмотра места пожара.

– Вы хотя бы осознаете, что, если мы не сможем допросить друзей, с которыми вы проникли в сигнальную будку, вся вина будет возложена на вас? – спросила Имоджен.

– О чем вы?

– Гэбриел, если следователи подтвердят факт умышленного поджога, мы будем вынуждены предъявить вам обвинение в убийстве по неосторожности.

* * *

Эдриан прикурил сигарету, стоя у своей машины. Он давно прекратил попытки завязать и с каждой затяжкой чувствовал себя все лучше. Из участка, на ходу закручивая волосы в узел, вышла Имоджен. Она качала головой.

– Господи, до чего я иногда ненавижу свою работу.

Она взяла сигарету из пальцев Эдриана и немного подымила, прежде чем вернуть.

– Значит, ты ему поверила?

– На все сто. Жаль, что мое мнение не имеет никакого значения.

– Оно важно для него. Ты ему понравилась, насколько я успел заметить.

– А что родители? Дениза связалась с ними?

– Да. Они обещали приехать утром. Считают, что остаток ночи в камере предварительного заключения пойдет сыночку на пользу.

– Мне он показался неплохим мальчишкой, если хочешь знать. Я переживаю за него.

Имоджен действительно сочувствовала Гэбриелу. Возможно, так работал ее инстинкт самосохранения: парень напоминал ее саму до того, как она решила поступить в полицию.

– Уверен, что огромные и печальные голубые глазищи не сыграли никакой роли, как и милая ямочка на подбородке.

– Ладно, ладно, я действительно нахожу его симпатичным, но от этого еще хуже. Надеюсь, у него хватит сил выдержать содержание под следствием.

– Сначала Дин Кинкейд, а теперь этот парнишка. Теперь я знаю, какие мужчины тебе нравятся, Грей. С преступными наклонностями.

– Брось, все совсем иначе. Не смейся. Будь я лет на десять моложе, вероятно, обратила бы на него внимание. Но не сейчас. Даже не знаю, – добавила она после паузы. – Думаю, он напоминает меня, взрослеющую.

Они еще немного постояли, предаваясь размышлениям и докуривая сигарету Эдриана. Выкрали две минуты, чтобы обдумать случившееся и вероятное развитие событий. Казалось, Гэбриел по-прежнему не собирался рассказывать про остальных подростков, а определить их личности по записи с камеры невозможно. Куртки с капюшонами и мини-юбки – своего рода униформа для любого, кому еще не исполнилось двадцать, а они составляют значительную часть населения города. Придется искать ту самую иголку в стог сена.

– Как бы то ни было, нынешняя ночь выдалась отвратительной. Ты голодна? – спросил наконец Эдриан, потушив окуроч.

– Нет, я не хочу есть. Не могу выбросить из головы мысли о судьбе мальчишки. В тюрьме его попросту съедят заживо.

– А мы-то что можем сделать?

– Нужно начать с идентификации трупа.

– Тогда давай браться за дело. Мой уик-энд все равно безнадежно испортили Доминик и Андреа, которые увезли Тома в Лондон, кажется на шоу.

– Снова?

– В будущем году ему исполнится шестнадцать и он сможет проводить выходные где захочет.

– Ты уверен, что с ним они в безопасности?

– Доминик всеми способами стремится показать, что завладел моей семьей. Он не причинит им вреда. Просто в очередной раз пытается взбесить меня. Думаю, пока я не раздобуду против него конкретных доказательств, им безопаснее всего рядом с ним. Я попросил Гэри помочь.

– Не знаю, смогла бы я на твоём месте сохранять спокойствие.

– Слово «спокойствие» в данном случае не совсем подходит. Я все время стремлюсь себя занять, чтобы не думать об этом постоянно.

Эдриан начал следить за Домиником примерно четыре месяца назад, когда сын поделился с ним подозрениями, что тот обманывает маму. Детектив легко опроверг версию измены с другой женщиной, но обнаружил факты, которые не смог проигнорировать. Финансовые нарушения, касающиеся крупных сумм. Денег, происхождение которых выглядело необъяснимым с точки зрения закона. Но не имея на руках улики, он не обладал полномочиями инициировать официальное расследование. А доказательств не было. Как только выпадал шанс, Эдриан проверял дела Доминика с помощью Гэри Танни – работавшего в полицейском участке компьютерного эксперта, любившего в свободное время разгадывать головоломки. Но противник был хитер. До сих пор не удалось добыть данные, на которые можно твердо положиться.

Чуть больше двух месяцев назад Доминик выяснил, что Эдриан сует свой нос в его финансовые операции. С тех пор пришлось стать осторожнее, но детектив не собирался бросать расследование. Он не сомневался: рано или поздно Гэри разберется в схеме. А последовавшие со стороны фигуранта недвусмысленные угрозы и требование остановиться, чтобы не осложнять себе жизнь, лишь усилили желание вытащить бывшую жену и сына из опасной ситуации – пусть не сейчас, но в ближайшем будущем. Преступнику придется ответить. Эдриан лишь опасался, что он потянет за собой членов семьи.

– Тогда я позвоню Дину. Скажу, чтобы не ждал меня и ложился спать.

Они вернулись в участок, чтобы провести остаток ночи за новым, еще более тщательным просмотром видеозаписей. Немного везения, и им, быть может, удастся поймать более четкие изображения друзей Гэбриела, чтобы попробовать установить, с кем он был в сигнальной будке.

Глава 4

Гэбриел не мог пошевелить плотно прижатыми к бокам руками. Его широкие плечи упирались в стенки металлической коробки. Предполагалось, что поездка продлится не более пяти минут, однако она затянулась из-за аварии на Магдален-стрит: с проезжей части убрали пострадавшие автомобили. Хотелось встать, пройтись, размять затекшие ноги. Но сильнее всего изводило желание громко закричать.

Окна арендованного тюремной для перевозки заключенных фургона фирмы «Серко», или «парилки», как его с грубой иронией окрестили охранники, тонированы, чтобы никто не мог заглянуть в него, зато изнутри Гэбриел отчетливо видел спешащих по своим делам людей. Он заметил парня, скатившегося на скейте по ступеням отеля, и остро ощутил свою несвободу. Воля. Почему он не ценил ее, пока не оказался в тесном стальном «гробу»? Дождаться слушания дела в суде Гэбриелу предстояло в предварительном заключении.

Он постарался сосредоточиться на правильном дыхании, чтобы не дать волю астме – в таком-то месте! Возможно, охранники даже не откроют дверь, если у заключенного случится приступ. Они вообще услышат его? Захотят помочь? Гэбриел начал считать про себя, чтобы отогнать нарастающую панику. Он и представить не мог, что попадет в подобную ситуацию. Вот только факт оставался фактом: он сидел здесь и заранее считался виновным. В поджоге. В убийстве по неосторожности.

Гэбриел никогда и никому не хотел причинить зла. Эта мысль непрерывно кружилась в его голове. Но он стал убийцей, оборвал жизнь другого человека. Гэбриел даже не мог позволить себе заплакать. Нельзя, чтобы его увидели со слезами на глазах. Некоторые его приятели отбыли сроки в тюрьме Эксетера, и, судя по их рассказам, там, мягко выражаясь, было мрачновато. С персоналом беда, а заключенных, наоборот, переизбыток. Викторианское здание не соответствовало стандартам наступившей эпохи. Однако в нем по-прежнему держали более пятисот человек. Некоторые находились под следствием, другие мотали срок за мелкие преступления. И Гэбриелу предстояло присоединиться к ним.

По крайней мере, ему показалось, что полицейские не считают поджог умышленным. Оставалось надеяться, что судья согласится с таким выводом. Каждый раз, закрывая глаза, Гэбриел пытался представить, каково это – сгореть заживо. И почему они только не проверили, нет ли в той будке кого-то еще? Зачем он позволил спровоцировать себя на такой невероятно глупый поступок? Сейчас он даже не против послушать, как родители ссорятся и кричат друг на друга, когда думают, что уединились. Все, что угодно, только не камера.

Фургон снова тронулся, стало легче дышать. Гэбриел выглянул наружу, гадая, доведется ли ему еще когда-нибудь пройти по этой улице. Он боялся, что в тюрьме не продержится и недели. Либо его прикончит астма, либо что-нибудь похуже. Невидимая веревка вокруг груди сжалась сильнее. Один, два, три, четыре, пять. Он старался запоминать картины за окном, насколько позволял маршрут. Автобусная станция, паб, куда они с Эммой иногда заходили. Когда фургон въехал в тюремные ворота, у Гэбриела снова перехватило дыхание. Он имел смутное представление о том, чего ожидать, и намеревался смотреть в пол, говорить, только если к нему обратятся, и держаться особняком. Теперь его радовал рост в шесть футов и два дюйма. Внушительный вид мог отбить желание напасть на новичка.

* * *

Прежде всего в тюрьме Гэбриела поразил запах. Пахло чистотой с примесью плесени. Дезинфекцией, только маскирующей грязь. Здесь применялось промышленное чистя-

щее вещество, «аромат» которого неприятно бил в нос. Парень постарался не думать об этом, пока стоял рядом с надзирателем в конце длинной комнаты, скорее напоминавшей огромный коридор. Крыло Б. Двери, укрепленные крест-накрест металлическими полосами. В каждой окошко с небьющимся стеклом. Снаружи петля и массивный засов. *Дыши.*

Само по себе крыло было светлым и просторным. Сейчас оно пустовало, если не считать двоих мужчин, орудующих швабрами и ведрами в противоположных концах коридора. Гэбриел невольно подумал: почему они оказались за решеткой, с виду такие безобидные. Большинство дверей вдоль стен коридора были распахнуты. Оставалось только гадать, кто таится за запертыми. Окна в высоком сводчатом потолке забраны металлическими решетками. На втором уровне – уставленная столами для пинг-понга и диванами галерея с видом на общую зону. Между уровнями натянута прочная сетка, не позволяющая спрыгнуть или сбросить через перила другого заключенного.

– Ты в норме, сынок?

Надзиратель улыбнулся и тронул Гэбриела за плечо, показывая, что пора идти. Гэбриел заметил сочувствие на его лице и осознал, насколько перепуганным, должно быть, выглядит. Он приоткрыл рот и расслабил челюсти, стискиваемые так долго, что они уже начали болеть. Гэбриел попытался придать физиономии мужественное выражение, но почувствовал, как зубы снова крепко сжались. Он скривил губы в надежде спрятать за этой гримасой волнение, уставился на кончик носа и зашагал вперед ровной и бодрой походкой. Нельзя никому позволить заметить его ужас и слабость. Миновав примерно две трети коридора, надзиратель остановился.

– Твои вещи уже внутри. Как только услышишь сигнал общего сбора, не забудь выйти и встать вот здесь. Отзывайся, когда выкликнут твое имя. Если сомневаешься, делай то же, что остальные.

Ты быстро все здесь просечешь. Только сохраняй спокойствие.

Гэбриел бросил взгляд на камеру. Она выглядела как обычная выкрашенная в кремовый цвет комната с двухъярусной койкой у стены. Здесь был письменный стол и шкафы для личных вещей, а в дальнем углу стояли два вполне удобных стула.

– Спасибо, – выдавил Гэбриел.

Спасибо, что сажаете меня под замок. Спасибо за помощь в первые минуты заключения. Спасибо за спасение меня от себя самого.

– Твой сокамерник скоро вернется с работы.

Надзиратель снова положил руку на плечо Гэбриела и слегка похлопал ладонью. Или подтолкнул? А может, жест имел совершенно иной смысл.

Для Гэбриела же он означал необходимость шагнуть из длинного светлого коридора в тесное пространство камеры, где ему предстояло провести обозримое будущее. По меньшей мере до тех пор, пока он не предстанет перед судом для вынесения приговора и пока там не решат, насколько он опасен для общества.

Охранник удалился, не закрыв дверь. Гэбриелу до этого момента и в голову не приходило, что к нему сможет войти любой желающий. Он готовился оказаться взаперти.

С верхней полки шкафа он достал свою сумку. Было непонятно, какая из двух коек его, поэтому, пока не вернулся сокамерник, он сел на стул. Гэбриел нервничал, ожидая первого разговора. Вдруг он брякнет что-нибудь не то не тому человеку. Случайно рассердит его. Вместе с тем не хотелось, чтобы товарищ по несчастью его игнорировал. Гэбриел вспомнил все слова, которые произнес со времени доставки в тюрьму, осознав, что говорил только по необходимости: когда к нему обращались. Странно, но он как будто не замечал людей вокруг. Всего насчиталось пятьдесят пять сказанных слов. В основном ответы на вопросы медсестры и адвоката, пока Гэбриела оформляли в заключенные.

В сумке с присланной матерью одеждой не нашлось его любимой футболки. Майки с изображением группы «Слипнот», в которой часто спала Эмма. Гэбриел специально не стирал ее, чтобы вещь хранила запах тела подруги. Кроме этого, кажется, мама ничего не забыла.

– Я – Джейсон Коул. А ты кто такой?

Вошедший в камеру мужчина шагнул прямо к Гэбриелу, протягивая руку. Парень неуклюже встал со стула.

– Меня зовут Гэбриел.

– Что же, рад знакомству, Гэбриел!

– Спасибо, я тоже.

– Бывал здесь прежде? Хотя я по выражению твоего лица вижу, что нет.

Джейсон присел на край койки.

Гэбриел снова запихнул вещи в сумку и поставил ее на свободную полку в шкафу. Разберется позже.

– Общий сбор! – прогрохотал голос извне.

Они оба поднялись, когда Джейсон кивком указал на дверь. Он носил красную рубашку с синими джинсами и оказался на несколько дюймов ниже Гэбриела, который вновь ощутил, насколько неуместным выглядит здесь его полностью черный наряд. Джейсон вышел и встал слева от двери. Гэбриел последовал за ним, стараясь вспомнить инструктаж. Пока все складывалось неплохо. По крайней мере, сокамерник не проявлял склонности к насилию.

Выйдя за порог камеры, Гэбриел осмотрел крыло, не поворачивая головы и стараясь ни с кем не встречаться взглядами. Он встал справа от двери, а Джейсон – слева. Так же поступили и остальные, значит, таков принятый здесь порядок.

Незнакомый пока надзиратель встал в центре коридора нижнего яруса и начал выкрикивать фамилии по списку. Его голос звучно разнесся по всему крылу, отражаясь от стен, и перешептывания стихли. С легкими у охранника точно было все в порядке. Все послушно замерли, пока он называл фамилии, а заключенные по очереди отзывались. Гэбриел отметил, как странно, что мужчины, преступившие закон, выглядели сейчас столь смиренными и покорными. Он ощущал на себе взгляды, но даже не пытался выяснить чьи. Сам он смотрел только прямо перед собой.

– Уэбб! – наконец выкрикнул надзиратель.

Теперь не спрятаться. О его присутствии только что громогласно объявили.

– Здесь! – откликнулся Гэбриел.

Пятьдесят девять слов. До него донесся шумок тихих разговоров, и он удивился, что его голос вызвал такую реакцию. Меньше всего хотелось поддаться паранойе, но Гэбриел чувствовал себя таким одиноким. Он с любопытством огляделся, прежде чем вернуться в камеру, и убедился, что его действительно заметили.

– Сейчас нас запрут на полчаса, а потом дверь снова откроют на несколько часов, чтобы мы смогли поужинать и улечься на боковую, – объяснил Джейсон, затем посмотрел на Гэбриела и спросил: – За что ты загремел сюда?

– Я убил человека, – тихо ответил Гэбриел, не желая шокировать Джейсона, чья манера держаться все равно мгновенно изменилась.

От расслабленности сокамерника не осталось и следа. Его спина выпрямилась и напряглась, а потом он шумно вздохнул и улыбнулся, но взгляд опустил, чтобы не смотреть в глаза убийцы.

Хотя Гэбриел внешне казался высоким и сильным, он знал, что у него моложавое лицо. Оно выглядело слишком юным для девятнадцатилетнего подростка. Ангельское личико, так все описывали его, когда он был младенцем, а потому его полное имя Ангел Гэбриел Уэбб. Нелепо, но могло быть и хуже.

Джейсон достал из шкафа сборник кроссвордов и улегся на нижнюю койку, отвернувшись к стене. Разговор окончен. Но теперь Гэбриел хотя бы знал, какое из двух мест досталось ему.

Тот самый надзиратель, который привел его в камеру, просунул голову в дверь. Гэбриел успел заметить фамилию на нагрудной табличке: Барратт.

– У вас все в порядке?

– Да, спасибо, – ответил Гэбриел, постепенно вновь привыкая нормально говорить.

Приятно выйти из полной изоляции. Хорошо напускать на себя дурное настроение и строить недотрогу, когда волен делать все, что душе угодно, подумал Гэбриел. Но когда нет выбора, это надоедает, и очень быстро.

Впервые с тех пор, как Гэбриел оказался здесь, дверь наглухо закрылась. Впрочем, камера по-прежнему воспринималась как обычная комната. Так он представлял себе жилье в университетском общежитии, которое, к величайшему огорчению родителей, его совершенно не привлекало. Барратт опустил засов, послышался металлический стук. Гэбриел почувствовал, что у него перехватило горло. Он подтянулся и лег на верхнюю койку, стараясь сосредоточиться на правильном дыхании. Не хотелось полностью зависеть от лекарства, которое неизвестно когда можно будет получить. Он никогда раньше не испытывал клаустрофобии, но вдруг почувствовал, что стены камеры сдвигаются. Путь наружу полностью отрезан. Узел в желудке затянулся туго, и все двадцать пять минут, пока дверь снова не распахнулась, Гэбриел старался отвлечься.

* * *

Открыв глаза, Гэбриел обнаружил, что дверь уже открыта. Он спрыгнул на пол, заметив, что Джейсона на нижней койке нет. Наверное, он пошел ужинать. Хотелось надеяться, что сокамерник не испугался. До Гэбриела доносились разговоры, люди проходили мимо и вели себя раскованно, словно это здесь в порядке вещей. Гэбриел пожалел, что не догадался взять с собой книгу – трогать вещи Джейсона показалось плохой идеей. Он пригладил волосы, тряхнул головой, чтобы челка упала на глаза, и не слишком охотно пошел к двери.

– Эй!

Мужчина с шапкой густых черных волос стоял в дверном проеме. Он был почти одного роста с Гэбриелом, но обладал более массивным телосложением. Не толстый и далеко не рыхлый.

– Привет.

Гэбриел сложил руки на груди и встал рядом с дверью, всем своим видом показывая, что некая невидимая сила, эдакое магнитное поле защитит его от всего плохого.

– Я – Соломон Бэнкс. Моя камера через две от твоей. – Мужчина указал налево от себя. – Все зовут меня просто Сол.

– А я – Гэбриел.

– Будем знакомы, Гейб.

Лицо Сола растянулось в широкой улыбке. В ней сквозила теплота и дружелюбие, но Гэбриела уже предупредили, что в тюрьме любой может выбрать тебя мишенью. Об этом твердили полицейские, предоставленный ему адвокат и даже медсестра. Все они в один голос советовали быть осторожнее, но то ли просто пугали, то ли говорили дело, он пока не разобрался. *Здесь каждый сам за себя.*

– Возьми миску и ложку, отведу тебя вниз, в столовую, – продолжал Сол. – Кормят не слишком хорошо, но и не так чтобы очень скверно.

– Спасибо.

Гэбриел сильно проголодался. Может, и стоило рискнуть держаться рядом с Соломоном. Это уж точно лучше, чем отправляться в незнакомое место одному. Он надеялся, что его инстинкт в отношении Сола не подведет: тот действительно казался вполне нормальным. Парень задумался, за что же тот угодил в тюрьму, и сразу понял: такие догадки предстоит строить относительно каждого, с кем он встретится в ближайшее время.

Бесплатный адвокат объяснил, что тюрьма предварительного заключения содержит прихотливую смесь заключенных, которые часто меняются. Преступления одних значительно серьезнее, чем совершенные другими, – от мелких краж до убийств. Некоторые еще только ждут суда и приговора, после которого их переведут в другое место.

Гэбриел взял столовые приборы и вышел в коридор, покинув священное убежище и окунувшись в неизведанное. Все выглядело иначе, словно изменилось с момента, когда он впервые перешагнул порог тюрьмы. Снова ударил в нос запах. Мощная вонь чистящего средства сменилась ароматами, исходящими от людей. Гэбриел ощутил во рту привкус пота – и застоявшегося, и свежего. Как и ужасное амбре черного хозяйственного мыла, которым, как ему вспомнилось, пользовался дед.

Люди были повсюду. Гремели раскаты хохота, раздавались звуки ожесточенных споров. Приглушенные разговоры, благоглупости и банальности. Какофония напомнила атмосферу раздевалки в средней школе, то есть еще одного места, где Гэбриел находился в самом низу «пищевой цепочки» до тех пор, пока не вымахал в шесть футов ростом. Следуя за Солом в столовую, он по большей части смотрел в пол. Они миновали группы крупных белых мужчин с обритыми наголо черепами и спустились по металлической лестнице на нижний уровень. Возле столов для пинг-понга Сол обменялся приветствиями с некоторыми игроками.

Чуть дальше располагались душевые. Гэбриел с ужасом увидел, что в них можно свободно заглядывать. Внутри четверо заключенных мылись абсолютно голыми, и это никого не смущало. Лишь невысокая стенка, едва доходящая до бедра, создавала слабое подобие обособленности. Мысленно парень уже попрощался со свободой, но он и представить себе не мог столь полной невозможности уединиться. Ничто больше не принадлежало исключительно ему. Он стал частью огромного организма, системы, к которой придется приспособливаться.

Суть нового образа жизни все яснее открывалась Гэбриелу, пока он стоял в конце длинной очереди за едой. Перед ним возвышался Сол. Проходя по тюремным помещениям, парень подметил еще кое-что: авторитет, которым пользовался среди прочих заключенных его новый товарищ: если это была не власть, то заметное уважение. Хотя страха он никому не внушал. Определенно.

– Ты сидишь с Джейсоном?

– Да, – ответил Гэбриел, все еще пытаясь восстановить голос.

– На твоём месте я бы не стал ссориться с ним.

– Он опасен?

Гэбриел постарался задать этот вопрос спокойно, прекрасно осознавая, что ночью его надолго запрут в камере наедине с Джейсоном.

– Нет. Но он глуп, – прошептал Сол, приветственно кивая еще одному знакомому заключенному, коротко стриженному молодому человеку с бородой имбирного оттенка.

Гэбриел заметил, что тот оглядел его от макушки до пят, и невольно поежился от оценивающего взгляда.

– Глуп?

– Никогда не бери займы и не одалживайся. Правило номер один. Особенно если тебе не дали разрешения. Когда все, что у тебя осталось, это двадцать вещей, они приобретают огромную важность. Джейсон отдал кому-то нечто очень важное. Его ждет суровое наказание, и лучше бы оно свершилось не при тебе.

– Разве ты не должен уведомить надзирателей?

– Правило номер два: никогда и ничего не сообщай охране. Здесь мало с кем обращаются хуже, чем со стукачами.

– Усек.

– Если заметишь, как что-то начинается, сразу уходи. Вот тебе совет, – добавил Сол. – Это тяжело, но здесь прежде всего нужно заботиться о себе. Так поступает любой экз.

* * *

Гэбриел разглядывал стоявшую на подносе тарелку с мясной запеканкой. Пюре выглядело белым и с виду приличным – с бисеринками влаги на поверхности, словно запотело. На вкус же оно было водянистым и слишком мягким. Фарш неестественного оранжевого оттенка вовсе не вызывал аппетита. Гэбриел набрал смесь в ложку. Несмотря на жидковатую консистенцию, она не пожелала отлипнуть, когда он поднес ее ко рту. Пюре свисало слизью, но Гэбриел был настолько голоден, что положил его в рот, теплое, но далеко не горячее. Он постарался вообразить, что порция за порцией поедает не отвратительную пищу, а нечто куда более вкусное, но чем сильнее остывало блюдо, тем труднее это становилось. В желудке ощущался ком – тяжелый, как сырой песок. Неожиданно Гэбриел подавился и почувствовал, что отвратительный картофель выбирается наружу. Он кинулся к корзине, стоящей в углу столовой, и его стошнило. Услышав смех, он поднял взгляд на сидящих за столом напротив. Среди них был молодой человек с имбирной бородой. Глазами он так и прожигал Гэбриела, который внезапно перестал чувствовать голод.

Общий сбор.

Гэбриел дошел до камеры и занял отведенную ему позицию возле двери. Джейсона не было видно.

– Коул! – выкрикнул надзиратель уже в четвертый раз, но теперь глядя на Гэбриела.

Тревога усилилась, когда к нему быстрыми шагами приблизились трое других охранников. Все остальные откровенно пялились. Гэбриел почувствовал, как кровь отлила от лица. Он попытался казаться выше ростом, выглядеть менее беспомощным. Вздернул подбородок и встал прямо, отведя плечи назад. Такую стойку он обычно принимал, входя в ночной клуб и оглядывая зал, в котором каждому хотелось, чтобы его воспринимали большей сволочью, чем других посетителей.

Гэбриел пробежал глазами по бейджам надзирателей. Маркус Хайд, Кайл Джонсон и Стив Барратт.

– Где Джейсон? – спросил Барратт.

– Не знаю, – ответил Гэбриел.

Восемьдесят два слова.

– Значит, не знаешь? Когда и где ты видел его в последний раз? – прорычал Хайд прямо в лицо Гэбриела.

Охранник значительно уступал ему в росте, и было странно слышать, как на него орет маленький человечек. Гэбриел с трудом смирился с необходимостью терпеливо выносить направленную на него злобу. В нем все бунтовало против немотивированной ненависти. Сам он никогда не питал склонности к насилию, но сейчас в нем заговорила оскорбленная гордость. Хотя разве у него остались причины проявлять ее?

– В камере. Перед ужином.

– Подробнее! – продолжал давить Хайд.

– Я проснулся и пошел ужинать, его не было в камере ни когда я ушел, ни когда вернулся.

– Это правда? – вмешался Барратт, явно играя роль «добротного полицейского» на фоне агрессивного Хайда.

– Могу поклясться.

– Запереть двери! – выкрикнул Хайд, и эхо разнесло его голос по крылу.

Заключенные застонали и стали заходить в камеры. Насколько мог судить Гэбриел, такое происходило здесь не впервые.

Хайд удалился, а Барратт, как показалось, только и ждал этого, чтобы снова обратиться к Гэбриелу.

– Если ты действительно не имеешь ни к чему отношения, то лучше не суй нос в чужие дела, – шепотом сказал Барратт.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что Джейсон рассердил опасных людей и они не хотят, чтобы их поймали.

– Почему вы говорите это мне?

– Потому что ты новичок. Мы то и дело видим парней, раз за разом попадающих сюда. Тебя же я не знаю, а это означает, что ты, вероятно, не настолько плохой. Не суйся куда не надо, и время потечет намного быстрее.

– Что значит «не суйся куда не надо»?

– Не заводи отношений с дурными людьми. Держись особняком. Будь сам по себе. Шевели мозгами.

– А что станет с Джейсоном?

– Наверняка мы скоро его найдем. Жестоко избитым, если повезет, или мертвым.

– Если вам повезет?

– Ты представить не можешь, какой нас ждет бюрократический кошмар, если найдут мертвого заключенного. – Он вышел за дверь и закрыл ее с последним предупреждением: – Старайся быть как можно незаметнее.

Барратт ушел. Гэбриел приблизился к двери и сквозь вертикальную полоску стекла, заменявшую окошко, попытался рассмотреть, не происходит ли чего в пределах его видимости. Никаких отчетливых примет паники в тюремном крыле он не заметил. Все шло по заведенному распорядку. Заключенные терпеливо сидели взаперти, надзиратели производили тщательный индивидуальный осмотр камер, прежде чем задвинуть засовы. Еще не было и семи часов вечера, а в стенах узилища наступала ночь.

Гэбриел разрывался между чувством облегчения, что остался один, и тревогой за, возможно, ужасную судьбу сокамерника. Мимо его двери пробежали два надзирателя, они явно что-то нашли. Больше Гэбриел не видел ничего. Только лица заключенных в камерах напротив, тоже прижатые к стеклам в стремлении разобраться в происходящем. От нечего делать Гэбриел взял с полки Джейсона книгу. Он не без оснований полагал, что она вряд ли понадобится хозяину.

Глава 5

Эдриан наблюдал, как инспектор разговаривает с новым начальником следственного отдела. Джонатан Фрейзер откровенно радовался избавлению от обязанностей начальника, поскольку больше подходил для исполнения приказов, чем для принятия важных решений, что понимали все, включая его самого. Нового командира группы следователей, старшего инспектора Миру Капур, в участке никто не знал. Ее назначили со стороны, чтобы она активно включилась в борьбу с упорными слухами, будто полицию Эксетера охватила повальная коррупция. О такой кандидатуре могли только мечтать в отделе по связям с общественностью, настолько безупречным выглядел ее послужной список. Прославилась она и умением ладить с прессой.

Фрейзер жестом подозвал Эдриана.

– Инспектор Фрейзер очень высокого мнения о вас, – сказала старший инспектор Капур, пожимая Эдриану руку.

– Рад это слышать, мэм.

– С нетерпением жду начала работы с вами, сержант Майлз, – добавила она.

– Спасибо. Я тоже.

– Сержант Майлз в данный момент расследует дело о пожаре в старой железнодорожной сигнальной будке, случившемся четыре дня тому назад, – пояснил Фрейзер. – Они пытаются идентифицировать погибшего.

– Есть успехи?

– Никто не значитится пропавшим без вести. Мы дотошно опросили почти всех городских бездомных, – вздохнул Эдриан. – Если кто-то и исчез, этого еще не успели заметить. Трудно даже представить сложность задачи.

– А что говорят криминалисты?

– Выделить ДНК им не удалось. Похоже, потолок обвалился на значительно обгоревшего к тому времени человека, череп и остальные части тела повреждены так, что мы не можем установить личность даже по записям и слепкам зубов. Пока в нашем распоряжении слишком мало материала, чтобы хоть немного продвинуться.

– Что же, продолжайте работать. К каждому нашему шагу будут проявлять пристальное внимание. – Мира чуть заметно поклонилась и кивнула в сторону дежурного сержанта Денизы Фергюсон, которая стояла у письменного стола Эдриана и указывала на него молодой женщине с зеленой сумкой через плечо. – А теперь прошу меня извинить. Пора приступать к работе.

Детективы дождались, пока старший инспектор удалилась. Эдриан невольно задумался, соответствует ли она новой должности. Слишком тяжким опытом далось ему понимание, что власть и коррупция ходят рядом. Мира Капур приехала из другого графства, и это уже давало надежду. По крайней мере, она точно не успела попасть под влияние Доминика, который, казалось, нашел подход ко всем остальным и знал все их слабые стороны.

– По-моему, она милая, как считаешь? – сказал Фрейзер, и его голос к концу фразы стал на тон выше.

Намек на осторожный оптимизм содержался в самой вопросительной форме, это было предположение, а не утверждение. Не только Эдриана интересовало и немного беспокоило назначение Миры.

В ответ он закатил глаза и вернулся к рабочему столу. Он не был склонен к преждевременному оптимизму и не собирался никому доверять без особых оснований. Тем более после всего, что пришлось пережить. Наивность в таких обстоятельствах – чистой воды идиотизм.

Когда он подошел, Дениза Фергюсон улыбнулась и женщина с зеленой сумкой – тоже. Но ее гримаса получилась отнюдь не дружелюбной. Она была понимающей, что немедленно насторожило и вызвало подозрения.

– Новая начальница следственного отдела попросила вас позаботиться об этой юной леди, Эдриан. Она – внештатный журналист, пишет статью об опасностях, связанных с нарастающей численностью бездомных в Эксетере. Ей хотелось бы узнать подробности работы над идентификацией мужчины, погибшего в огне.

– Что? – Эдриан обернулся и поймал улыбку Капур.

Он уже жалел, что теперь подчиняется не Фрейзеру.

– Будь душкой, – прошептала Дениза, прежде чем сесть за свой стол.

– Я – детектив Майлз. Приятно познакомиться.

Он протянул руку девушке. Она пристально смотрела на него на несколько секунд дольше, чем диктовала необходимость. Эдриан терпеть не мог журналистов, но знал, как сильно нужно полиции исправить репутацию, к порче которой он и сам приложил руку. Он подыграет на первых порах, пока не разберется в особенностях личности репортера.

– Люси Ханниган. Мне тоже приятно знакомство с вами. – Она словно не заметила его руки и уселась в кресло. Эдриан уловил в интонации нюанс, граничащий с сарказмом, но отмел эту мысль, списав ее на паранойю и свое привычное недоверие к представителям прессы. – Я даже не ожидала, что кто-то станет расследовать обстоятельства смерти этого человека, – продолжала репортерша. – Насколько я поняла, речь идет о мужчине.

Эдриан достал из ящика стола фотографии, сделанные на месте пожара, и выложил перед ней.

– Это практически все, что нам сейчас известно. Как видите, обломки постройки обрушились на него, и это, мягко выражаясь, не помогает следствию.

– Над делом работаете вы один?

– Я и мой напарник детектив Грей.

– Помнится, я читала, что ее в прошлом году ранили. Это так?

– Да. У вас отличная память.

Он не собирался делиться подробностями. Не стоило лить воду на репортерскую мельницу. Эдриан просто проявлял сдержанность, не более того.

– О да. Память у меня превосходная. – Снова промелькнула та же интонация.

– Сегодня мы с напарницей отправимся в пункт бесплатной раздачи пищи, чтобы проверить, не знают ли там о пропаже человека. Он до сих пор остается загадочной фигурой. Мы даже не можем с уверенностью утверждать, что это бездомный, хотя такая версия наиболее вероятна.

– Удачно, что именно вы – детектив, расследующий дело, верно? – Определенно, она странно себя вела.

– Извините, мы раньше встречались? Кажется, у вас ко мне особое отношение.

– Вот. Все-таки не зря вы получили свой жетон, – улыбнулась она.

Эдриан понимал, что выглядит озадаченным. Люси же явно забавляло его смущение. Он рылся в памяти, но никак не мог вспомнить ее. Это могло означать только одно. Он на секунду сосредоточил внимание на ее губах, чуть заметно кривящихся в усмешке. В ее внешности проглянуло что-то смутно узнаваемое... Интимно знакомое.

– У нас был... – Неловкость помешала закончить фразу.

– На самом деле в том, что мне пришлось снова столкнуться с вами, заключается настоящая ирония судьбы. Буду честна: если вы меня даже не узнаете, есть серьезные основания сомневаться в вашей профессиональной пригодности.

Он вдруг снова увидел ее мысленным взором. Обрывок, фрагментарное воспоминание – она лежит под ним, его руки касаются ее, губы целуют. Но все это по-прежнему очень туманно.

– Что я пропустила?

Имоджен шумно опустила сумку на стол, разряжая ситуацию.

– Мисс Ханниган – независимая журналистка, – сказал Эдриан, покрасневший и благодарный напарнице за своевременное появление. – Нас попросили ввести ее в курс дела о трупе, найденном в сигнальной будке.

– Откровенно говоря, боюсь, вы получите не слишком много информации. Мы пока топчемся на месте.

– Так я и поняла. – Люси Ханниган сунула руку в сумку и достала визитную карточку. – Эта леди занимается благотворительностью, она работает с бездомными в вашем районе. Она может помочь. Номер своего телефона я написала на обратной стороне, если вдруг вы его потеряли.

Она бросила многозначительный взгляд на Эдриана. Что же он забыл?

Журналистка положила карточку на стол и встала.

– Спасибо, мы сразу же свяжемся с ней.

Эдриан взял карточку и изучил ее, пытаясь высечь из памяти искру. Он по-прежнему не мог сказать, где и как встречался с Люси. Понял только, что было это года два назад и теперь она выглядит совершенно иначе. Оставалось надеяться, что этот отрезок прошлого полностью откроется к их следующей встрече.

– Я буду поддерживать с вами связь. Мне бы хотелось знать, как продвигается расследование. Полагаю, вы не позволите снять копии с этих фотографий. Или я ошибаюсь?

– Посмотрим, что сможем для вас сделать. Мне придется получить разрешение старшего инспектора Капур, – сказал Эдриан.

– Спасибо. Славно было еще раз увидеться с вами, Эдриан. – Теперь сарказм прозвучал отчетливо, и в лицо детективу снова бросилась кровь.

Они с Имоджен взглядом проводили журналистку до двери.

– Значит, ты с ней знаком? – повернулась к нему Имоджен, недоуменно вздернув брови.

– Вероятно, когда-то был знаком. – Эдриан чуть заметно поежился и поспешил сменить тему, не дожидаясь дальнейших расспросов. – Где была? Обычно ты появляешься раньше меня.

– Разговаривала по телефону с матерью. Она сейчас на Крите.

– Она достаточно хорошо себя чувствует для таких путешествий? – спросил Эдриан с искренней заботой в голосе.

Имоджен вздохнула.

– Доктор говорит, что прежде всего ей необходим отдых. Наверное, это полезно – смена обстановки и постоянная забота.

– Ты побеседовала с Элайасом? Он рассказал, как чувствует себя мама?

Ее старики отправились на Крит вдвоем. Странно было даже думать об этом. Имоджен росла без отца, и вдруг почти после тридцати лет разлуки родители вновь сошлись. В доме появился мужчина, имени которого в детстве и юности она даже не знала. Мама держала его в секрете, и Имоджен приняла тайну как должное. Но отец оказался косвенно вовлечен в дело, которое она расследовала. В начале года все окончательно выяснилось, и вот он, папаша, тут как тут.

Имоджен до сих пор не привыкла, что у нее есть отец. Она предложила узнавать друг друга постепенно, но на самом деле вовсе не хотела сближения. Она успешно справлялась с жизнью и без него. Мама – другое дело. К ней вернулся мужчина, которого она любила и потеряла, но для Имоджен он оставался чужаком. Знакомство стало сильным потрясением, она не была к нему готова.

– Он внимательно следит, чтобы мама вовремя принимала лекарства. Их номер – один из лучших в санатории, и ей там по-настоящему хорошо. – Имоджен помолчала и глубоко вдохнула, прежде чем продолжить. – Когда они вернутся, он хочет познакомить меня со своими

детьми и внуками. Они пока не знают обо мне. Отец сказал, что хочет сначала им рассказать, он слишком устал от секретов.

– Ты собираешься встретиться с ними?

– Я всю жизнь была единственным ребенком матери-одиночки и не представляла себе иного. Внезапно получить троих младших братьев и целый выводок племянников и племянниц... Не знаю, насколько я готова к подобным переменам.

– Тогда попроси его повременить.

Она встряхнулась, словно избавляясь от невидимого бремени, звякнула ключами от машины и пошла к выходу.

– Хватит обсуждать мои проблемы, не стоящие выеденного яйца, Майли. Нужно проверить, есть ли еще камеры наружного наблюдения вокруг ночного клуба, но после беседы с леди из благотворительной организации. Может, все же установим, с кем Гэбриел Уэбб развлекался той ночью. Жаль, что единственная камера внутри клуба направлена на стойку бара, а он всегда ходил за напитками один.

– Не понимаю, почему он просто не расскажет нам. Кого защищает?

– Подружку, разумеется.

– Ты, кажется, твердо в этом уверена. Его родители сообщили хоть что-то полезное? Они знают, как зовут его девушку?

– Нет. У меня сложилось впечатление, что им вообще мало что известно о сыне. И, по-моему, им на него глубоко наплевать, – добавила она, открывая перед Эдрианом дверь машины.

Имоджен поговорила с отцом Гэбриела по телефону, и папочку почти обрадовала новость о его аресте. Он даже соизволил отпустить комментарий, что, возможно, это поможет сыну наконец повзрослеть.

– Что ж, знакомая ситуация. Моего отца тоже интересовали только бабы и выпивка. По крайней мере, в первую половину моей жизни, пока он не переключился на более сильную дурь.

– Не думаю, что мистер Уэбб сталкивается с такими же проблемами.

– Но результат идентичный, правда? Эгоизм чистой воды. С тех пор как родился Том, я и представить себе не могу ничего подобного: не в состоянии вообразить обстоятельства, при которых я когда-либо посчитаю свои интересы или собственную гордость важнее благополучия сына. Просто не понимаю, как это возможно.

– Как там в стихотворении? «Они отравят тебе жизнь, папаша и мамаша...»

– Стихи никогда не занимали меня, уж извини.

– Ты не перестаешь меня удивлять.

Имоджен снова вздернула брови и села за руль. Она подумала, в какой степени строка из стишка касается ее родителей, каким образом принятые ими решения затронули ее жизнь, сделали ее той, кем она стала. На ум пришла еще одна цитата: «Удел людской нести несчастье для других»⁵. Насколько же точная фраза. Лучше не скажешь.

---

⁵ Обе приведенные строфы принадлежат перу английского поэта Филипа Ларкина (1922–1985).

Глава 6

Имоджен нажала на кнопку звонка у двери штаб-квартиры благотворительной организации «Выжить на улице», расположенной в бывшем магазине одежды на Сидвелл-стрит в Эксетере рядом с заведением торговца шашлыками и шаурмой, куда ее напарник часто заглядывал прежде, выпивая в центре города. Сейчас Эдриан обошел здание, нашел боковую дверь и громко постучал. Послышался шум, а потом появилась женщина в домашнем халате и отперла замок. У нее было пунцово-красное лицо, а глаза опухли и выглядели сонными. Она попыталась что-то сказать, но зашлась в приступе неудержимого кашля.

– Добрый день. Я детектив Грей, а это мой коллега, детектив Майлз. Леди, вы заведуете этой благотворительной организацией? – спросила Имоджен, когда кашель унялся.

– Да, я самая. Меня зовут Клэр Морган. Извините, у меня только начал проходить грипп. Можете зайти, но на вашем месте я бы не подходила близко.

Они вошли в дом и оказались в небольшой гостиной с двухместным диванчиком и журнальным столиком, поверхность которого усеивали комочки использованных бумажных носовых платков. В воздухе витал густой запах эвкалипта, здесь явно в огромных количествах использовали «Викс»⁶. Имоджен особенно поразила стоящая в комнате жара, но хозяйка лишь плотнее куталась в халат, совершенно не страдая от избыточного отопления.

– Мы расследуем пожар в старой сигнальной будке возле главного городского вокзала, – сказал Эдриан.

– Я слышала в новостях. Но какое отношение тот случай имеет ко мне?

– Не знаю, что именно вам известно, вкратце: в подвале мы обнаружили останки мужчины. Предполагаем, что он там прятался от дождя. Это мог быть бездомный, что наиболее вероятно, – пояснила Имоджен.

Рука Клэр Морган непроизвольно взлетела к губам, а Имоджен прочитала в ее глазах отчетливое выражение озабоченности и расстройств.

– Вы знаете, сколько всего бездомных в городе? – спросил Эдриан.

– Когда-то знала точно, но их количество постоянно растет. Постепенно моя деятельность утрачивает... скажем так, возможность личных отношений с каждым из них.

– Вы не заметили, что кто-нибудь из ваших подопечных внезапно пропал?

– Трудно определить, пропал бездомный человек или нет, – ответила Клэр. – Иногда людям попросту хочется побыть в одиночестве. Порой они переезжают по своей воле, а бывает, что их вынуждают убраться. Можно насчитать несколько причин, почему мы перестаем кого-то видеть. Одно точно: двоих я не встречала достаточно давно. Зато появились новые лица. Как вы, вероятно, догадываетесь, наши подопечные – не самая стабильная часть населения.

– Вы храните списки тех, кому оказывала помощь ваша организация? – спросила Имоджен.

– Нет, подобных записей я не держу. Некоторые люди становятся бездомными по своей воле, и мне кажется справедливым уважать их выбор и чувство личной свободы, к которой они стремятся.

– Как именно вы им помогаете?

– Жители города делают добровольные пожертвования, на эти средства мы приобретаем для бездомных самое необходимое. К примеру, если вы пожертвуете тридцать фунтов, этого хватит на покупку спального мешка, термического одеяла и набора питательных протеиновых батончиков. И когда ко мне обратятся за помощью, я передам это нуждающемуся. Согласна, это немного, но это все, на что нас хватает.

---

⁶ Викс – лекарство от простуды и гриппа. – Прим. редактора.

– Это намного больше, чем делают для обездоленных другие. – Имоджен улыбнулась ей, ощущая вину, что не принимала участия в благотворительности.

– Когда-то я сама была бездомной, – продолжала Клэр. – И это не было сознательным выбором. Мне повезло. Посторонние люди позаботились обо мне, и постепенно я сумела вернуться к нормальной жизни. Однако большинство обывателей не желают даже задуматься об этом. Как будто опасаются, что тогда и их может постигнуть та же участь, словно бездомность – что-то вроде заразной болезни. Поэтому они упрямо стараются игнорировать проблему.

Имоджен достала визитную карточку и отдала ее женщине.

– Пожалуйста, позвоните, если до вас дойдут хоть какие-то слухи.

– Непременно. – Она улыбнулась и на мгновение задумалась. – Мне нравится, что вы так серьезно настроены.

– Последний вопрос, если не возражаете, – вновь заговорил Эдриан. – Вы знаете хотя бы одного человека, который когда-либо спал в сигнальной будке? Или, может, слышали о ком-то, кто сделал ее постоянным убежищем?

– На ум приходит единственная кандидатура. Мужчина по фамилии Брикс, – медленно произнесла Клэр. – Однако, по моим сведениям, его арестовали и посадили в тюрьму. Он страдает умственным расстройством. В прошлом году попытался ограбить почтовое отделение. Впрочем, он на протяжении всей жизни то попадает за решетку, то выходит на свободу.

– У вас, случайно, нет его фотографии?

Клэр нахмурилась и помотала головой.

– Нет, уж извините.

– Хорошо, Клэр. Спасибо, что уделите нам время. Не провожайте. Мы сами выйдем, – сказала Имоджен, не желая, чтобы пожилая леди снова выбиралась из кресла.

– Поправляйтесь, – сказали детективы и закрыли за собой дверь.

Имоджен была рада снова оказаться на улице, выйти из дома Клэр Морган, превращенного в подобие инкубатора с воздухом таким душным и теплым, что, казалось, от него можно заболеть. Она дышала полной грудью, не обращая внимания на множество крайне неприятных запахов из промышленных контейнеров на колесиках, стоявших в проулке рядом со штаб-квартирой благотворительной организации.

– Вот уж никак не могла предположить, что буду настолько счастлива вдыхать аромат не самых свежих шашлыков.

– Брось, хороший шашлычок с овощным салатом и с острым томатным соусом можно есть хоть пять раз в день!

– Теперь ты мне отвратителен.

Она улыбнулась и пошла по улице.

Глава 7

Тюремная постель оказалась крайне неудобной. Одеяло кололо тело, а подушка... Уж лучше бы ее не было вовсе. Зато имелся матрац, которого не полагалось в камере полицейского участка. Гэбриел закрыл глаза, упорно стараясь не обращать внимания на обстановку. Он думал об Эмме и ее светлой коже. Вместо пудры она наносила на лицо тальк, чтобы выглядеть еще белее, и, когда они целовались, на губах ощущался его привкус. Парень представил, как их губы сливаются, и у него перехватило дыхание. Он даже не мог попросить ее дожидаться его возвращения. Возможно, пройдут недели, прежде чем назначат дату суда, его неизбежно приговорят к заключению, а Эмма будет жить как обычно.

Они не виделись всего девять дней, а Гэбриел уже почти разуверился, что им суждено когда-нибудь снова быть вместе. Лишившись надежды, он не знал, в чем еще обрести опору. У него и раньше бывали связи с девушками, но эта стала чем-то принципиально иным. Эмма казалась ему единственно возможной избранницей. Они очень подходили друг другу. Гэбриел и вообразить не мог, каково это – никогда больше не увидеть ее. От этой мысли сводило живот.

Затем он поймал себя на воспоминаниях о том злополучном вечере. Почему он не обыскал будку, прежде чем развести огонь? И вообще, зачем пошел туда? Он заслужил наказание. Он отнял чью-то жизнь.

Радовала темнота в камере. От здешнего воздуха, нездорового, нечистого и застоявшегося, болели глаза. Гэбриел с силой вдохнул, мечтая как следует расправить легкие. Хотя сойдет и так. Он сглотнул, чтобы избавиться от слез, собирающихся под веками и готовых вот-вот вытечь из воспаленных глаз.

Но ведь это какая-то большая и нелепая ошибка, правда? Тюрьма? Он никак не мог попасть в заключение. Это совершенно нереально. Всего неделю назад они с Эммой строили планы на лето. Теперь все, о чем они говорили, исчезло. Не будет ни возвращения в колледж, ни работы во время каникул. Больше нет ни надежды, ни будущего. То есть будущее его, конечно, ждет, но не то, на которое он рассчитывал, какого хотел. От этого уже никуда не денешься. Просто невозможно. Человек умер по его вине. Другие потеряли отца, брата, сына. И все из-за непроходимой глупости Гэбриела.

Он не мог жалеть себя, только злился. Онемение внутри исчезло. Он так долго уделял все внимание поведению, старанию никого не настроить против себя, что не разрешал себе чувствовать. Глаза больше не жгло, и Гэбриел понял, что плачет. Слава богу, что сейчас он совершенно один.

Гэбриел повернулся на бок и подтянул колени к груди. Его охватило невероятно сильное ощущение свободы от внешнего давления. Он дал себе волю и задышал нормально, как казалось, впервые за неделю. Слезы текли, пока не иссыкли. Краткий всплеск эмоций неожиданно успокоил Гэбриела. Дыхание нормализовалось, мыслями он вернулся к Эмме, сожалея, что у него нет футболки, чтобы хотя бы вдохнуть ее запах.

Неожиданно он заметил свет, словно окно в царящей повсюду кромешной тьме. У Гэбриела замерло сердце, когда он услышал скрежет металла о металл. Засов отодвинулся, дверь открылась, донесся шум и легкий звук шагов. Затаить дыхание или притвориться крепко спящим? А может, повернуться и посмотреть? Гэбриел сжал кулак, готовый ударить любого, кто притронется к нему. При аресте никто ни о чем таком не говорил, но легко было догадаться, о чем все думают. Точно такая же мысль первой пришла в его голову, когда ему объявили, что отправляют в тюрьму. Для простых людей изнасилования в местах заключения – всего лишь предмет для шуток. «Только не роняй мыло». Но анекдот перестал быть смешным, стоило тюремным воротам открыться, а фургону въехать во внутренний двор.

Теперь до Гэбриела доносились перешептывания в его камере, но преувеличенно громкий стук сердца, отдающийся в ушах, не позволял расслышать ни слова. Никогда в жизни Гэбриел не чувствовал себя до такой степени уязвимым и беспомощным. Это куда хуже обыска с раздеванием до полной наготы, проведенного, по крайней мере, при ясном свете дня. Ужаснее первого посещения столовой, где пришлось лицом к лицу столкнуться с неизвестностью под пристальными взглядами остальных заключенных. Гэбриел не понял, кто шепчет, но это точно был не один человек. Постепенно стало ясно, что явились не по его душу. Они рылись в вещах Джейсона, чтобы унести их с собой. Гэбриел слышал, как с койки скинули матрац, чтобы проверить, не спрятано ли чего под ним.

Что же натворил сокамерник? Где он сейчас? На протяжении всех девяти дней, минувших после его исчезновения, никто из заключенных или охранников не произносил имя Джейсона. Гэбриел не хотел навлечь на себя неприятности и тоже молчал, но ему казалось странным, что все так быстро смирились с пропажей человека. Почему никто не проявил ни малейшего любопытства? Заключенные совершенно не интересовались происходящим, и это тревожило Гэбриела даже сильнее, чем необъяснимое исчезновение соседа.

Только убедившись, что он снова один, Гэбриел осмелился пошевелиться. В камере снова стало темно и совершенно тихо. Он дал глазам привыкнуть и повернулся. Ему хотелось знать, что они забрали. На всякий случай он двигался так, словно по-прежнему спит, лишь чуть приподнял веки. Пропали все вещи Джейсона, и его опустевший шкаф стоял распахнутый настежь. От книг и фотографий, прикрепленных к стене, тоже не осталось и следа. Словно и не было здесь никогда никакого сокамерника.

Глава 8

Имоджен постучала в дверь церкви и легонько толкнула ее. Створка тут же распахнулась. Внутри никого не было. Имоджен не считала себя хоть сколько-нибудь религиозной, но находила атмосферу храма успокаивающей: потертые деревянные скамьи, танцующий свет, проникающий сквозь окна с витражами, запахи благовоний и горящих свечей. Это напоминало детство. Мать всегда пользовалась благовониями и оставляла свечи на ночь. Истинное чудо, что ничего ни разу не загорелось. Мама писала картины при свечах, и, вспомнив это, Имоджен поняла, почему ее влечет к церквям. Здесь она вспоминала маму, в полумраке умиротворенно пишущую картину, а не полоумную мамашу, забывшую забрать дочь после уроков.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? Здравствуйте! – сдержанно произнесла Имоджен.

Эдриан не обладал таким терпением. Он двинулся к алтарю по центральному проходу.

– Эй!

Его голос мог быть эхом оклика Имоджен.

Несколько секунд спустя сбоку от алтаря открылась дверь и вышел священник.

– Я – отец Беркели. Чем могу помочь?

Имоджен присоединилась к Эдриану, они достали полицейские удостоверения, и улыбка священника слегка утратила дружелюбность.

– Мы проводим расследование. Нам сказали, что бездомные часто посещают церковь. Нас интересует, не заметили ли вы, что кто-то из них в последнее время пропал, – сказала Имоджен, а Эдриан подошел к стойке с круглым подсвечником, маленькие огоньки на котором горели даже в пустом церковном зале.

– Все не совсем так. – Отец Беркели ответил вежливо, но ему явно хотелось поскорее выпроводить их. – Сюда приходят не одни и те же, а разные люди.

– Вы знали мужчину по фамилии Брикс? – спросила Имоджен.

– Да, он иногда приходил в церковь. Станный человек. Я порой делю трапезу с кем-то из паствы. Дважды Брикс принимал приглашение и обедал у меня, но больше я его не звал.

– Почему же?

– Он оказался весьма неприятным в общении. При нем я чувствовал дискомфорт. Вы поймете, если я скажу, что в его личности присутствовала темная сторона? Хотя вы тоже наверняка сталкиваетесь с этим в работе: с инстинктивным впечатлением, создаваемым некоторыми людьми.

– Простите, но когда это было?

Имоджен никак не отреагировала на отвлеченное заявление священника, не желая ввязываться в обсуждение сходства и различия их профессий.

– По-моему, примерно месяц назад. У него при себе оказалось немного денег. Мне пришлось попросить его удалиться, потому что он повел себя очень грубо с другой прихожанкой: обозвал ее словом на букву «с». – Священник покачал головой. – Но он ушел, только когда я пригрозил вызвать полицию. С того вечера я его больше не видел.

– Значит, месяц назад? – Эдриан посмотрел на Имоджен и достал телефон.

Это была новая информация.

– Вы знаете, с кем он общался чаще, чем с остальными? У вас есть его фотография? – наседала на святого отца Имоджен.

– Фото у меня нет, как и ответа на ваш первый вопрос. Он всегда сторонился общества. Никогда не приходил на собрания, которые моя церковь устраивает для бездомных. Думаю, я не был ему симпатичен. Хотя невозможно нравиться всем, правда?

– Совершенно верно, – кивнула Имоджен. – Большое вам спасибо.

Священник откланялся и скрылся за дверью у алтаря. Иможден обернулась и увидела, как Эдриан кладет деньги в ящик для пожертвований. Она продолжала наблюдать, когда он выбрал свечу, зажег ее и поместил на подставку из старого потемневшего металла. Показалось, что он коротко помолился, прежде чем снова посмотреть на нее.

– Есть что-нибудь полезное?

– Нет. Но ясно, что всего месяц назад Брикс не был в тюрьме. Надо подключить к следствию Гэри. А что это ты только что сделал?

– А на что похоже?

– Не думала, что ты интересуешься подобными вещами.

– Я всего лишь зажег свечу, Грей. Успокойся.

– Мы, кажется, достаточно долго работаем вместе, чтобы ты знал: не надо просить меня успокоиться.

– Почему бы и тебе не зажечь свечку?

– С какой стати мне зажигать ее здесь? Я не католичка.

– Сделай это просто для души. Вспомни о людях, которые тебе дороги, – предложил Эдриан. – И тебя посетит прекрасное чувство.

– Ради кого мне ставить свечку? – спросила Иможден.

Она сразу вспомнила о Дине и тут же устыдилась, что подумала не о маме.

– Ради своей матери. Ты ведь уже успела вспомнить о ней.

– Уж ей-то это едва ли сейчас поможет, верно?

Раньше Ирен и недели не могла обойтись без дочери. А теперь улетела за границу с мужчиной, которого Иможден совершенно не знала.

– Верно. Но это поможет тебе.

– Ладно.

Иможден не могла бы сказать, кто тревожил ее больше: мать в обществе незнакомого мужчины или вновь обретенный отец, который мог снова исчезнуть, проведя с мамой некоторое время и поняв, насколько хрупко ее здоровье.

Эдриан достал из кармана еще одну фунтовую монету и бросил в ящик для пожертвований. Иможден зажгла свечу и поставила рядом со свечой напарника, отчаянно стараясь удерживать мысли о маме. Именно так должен происходить подобный процесс, если она не ошибалась. Странно, но на душе действительно полегчало.

– А за кого ты поставил свечку? – спросила она.

– За тебя.

– За меня? А что со мной не так?

– Слишком взрослый вопрос. Не согласна?

– Нет, серьезно, почему за меня?

– Потому что на тебя сейчас столько всего свалилось, Грей. – Его лицо выглядело необычайно добрым. – К тому же я не могу сказать тебе ничего хорошего прямо, не опасаясь, что ты мне башку за это оторвешь.

Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга.

– Пора идти, Майли. У нас работы по горло. Надо все же установить, чье тело найдено в сгоревшей будке и почему Брикс был не в тюрьме, – сказала она, признавая, насколько приятно и важно иметь рядом кого-то, кому можно полностью доверять.

Иможден догадывалась, как нелегко бывает с ней Эдриану, правда, иногда казалось, что такие отношения ему даже нравятся.

Глава 9

Гэбриел сидел перед кабинетом медсестры, специализировавшейся на расстройствах психики. Немного тревожило, что он действительно очень хотел побывать на приеме, поговорить с кем-то наедине, не опасаясь ужасных последствий. Если не считать времени приема пищи, Гэбриел мало с кем встречался. Особенно после пропажи Джейсона, о котором, казалось, успели напрочь забыть, и стало понятно, что он уже не вернется. Иногда Сол мимоходом похлопывал Гэбриела по плечу, и к этому сводилось все его человеческое общение в тюрьме. Он успел стать свидетелем трех драк по самым незначительным поводам, потасовок не особенно ожесточенных, но наводящих на дурные мысли. Агрессия могла распространиться среди других заключенных и стать причиной гораздо более серьезных проблем.

Гэбриел исподволь присмотрелся ко всем надзирателям, определяя, с кем стоит держаться настороже. Офицер, сопроводивший его сюда в фургоне, – Хайд – показался наиболее непредсказуемым. Его налитые кровью глазки постоянно бегали, он всегда выглядел уставшим, то и дело потирал веки тыльной стороной ладони. Сколько можно продержаться на такой работе, прежде чем она уничтожит тебя? Гэбриелу оставалось только гадать, давно ли Хайд служит тюремным охранником. Он думал обо всех людях, которых надсмотрщик встречал здесь, чтобы затем отпустить и увидеть снова. Так кто же на самом деле находится в заключении? Большинство осужденных отбывали максимум трехлетние сроки, а потом отправлялись по домам, где могли обо всем забыть. Самые невезучие, среди которых числился и Гэбриел, ждали приговора и перевода в другую тюрьму. Далеко не все возвращались, вновь преступив закон. А вот Хайд служил здесь дольше других надзирателей, которые обращались к нему за советом в сложных ситуациях. Он каждый день смотрел на те же тюремные стены, что и заключенные, был заперт в том же здании и выходил на свободу только вечером, чтобы поспать дома и вернуться утром.

– Входите, – позвала медсестра из глубины кабинета.

Натали Барнс специализировалась на душевных расстройствах и оказывала медицинскую помощь по всему городу. Тюрьму она посещала два раза в неделю, но для Гэбриела эта встреча была первой. Он немного нервничал, но с нетерпением ждал времени, которое проведет с представительницей другого пола. Его никто не подготовил к полнейшему отсутствию женщин, а он сам не задумывался об этом, пока не столкнулся с реалиями тюремной жизни.

Гэбриел встал и вошел в кабинет, уселся на стул у письменного стола. Медсестра кивнула Хайду, он вышел и закрыл за собой дверь.

– Ну, как ваши дела, Гэбриел? Это обычная проверка условий содержания заключенных.

– Все хорошо.

– Это первое преступление, которое вы совершили?

– Да, первое.

– Вам трудно привыкнуть к тюремному расписанию?

– Нормально.

– Вы уже завели друзей?

– Нет, пока не завел.

– Время тянется гораздо дольше, если вы всегда в одиночестве. Важно по мере возможности активно контактировать с другими заключенными. Это наверняка поможет справиться со скукой, вызванной повседневной рутинной.

– Я буду иметь в виду ваш совет, – выдавил Гэбриел с неохотой, не чувствуя пока никакого удовлетворения от беседы.

– А чего вам больше всего не хватает из прошлой жизни на свободе?

– Всего! – выпалил он и чуть не рассмеялся над глупым вопросом.

Хотя, разумеется, свободы – именно ее больше всего и не хватало.

– Я имею в виду что-то одно. По чему вы скучаете особенно сильно? Быть может, родители? Или подруга? Или ваша собака?

– Собаки у меня нет. Родители только рады умыть руки и избавиться от меня, а подруга... Не думаю, что она все еще моя девушка.

– Но должно же быть хоть что-нибудь.

– Если честно, я больше всего скучаю по прогулкам. Чтобы просто выйти из дома и отправиться куда душа пожелает. Вот как все просто. И, наверное, еще музыка. Тоскливо без нее. А телевизор я почти не смотрел.

– Разве вам не сказали, что в столовой можно купить радиоприемник?

– Нет!

– Он примитивный, но, может, вам станет немного легче.

– Спасибо.

Гэбриел приятно взволновался впервые за прошедшую неделю. Возможность слушать радио стала для него неожиданным лучиком надежды.

– Хорошо. Встретимся на будущей неделе. Только, пожалуйста, обдумайте серьезно мой совет и постарайтесь найти друзей.

Гэбриел встал, и Хайд открыл дверь. Пора обратно в камеру. Его удивило, насколько короткой оказалась беседа. Не потому ли, что на все вопросы он давал правильные и ожидаемые ответы? Если бы он заявил, что остро нуждается в помощи, стала бы она слушать? Это все напоминало школьный экзамен, когда надо ставить крестик в нужной клеточке и всем на самом деле наплевать на знания учеников.

Снова настало время посидеть за запертой дверью. Полчаса, чтобы обдумать встречу с медичкой, вспомнить ее слова и прикинуть, как найти хотя бы одного друга. Гэбриелу действительно было очень одиноко, и, оставшись наедине со своими мыслями, он понимал, что недалек от глубокого отчаяния. Ему нужна возможность кому-то довериться. Стоит хотя бы попытаться.

Гэбриел пользовался любой возможностью покинуть постылую камеру и поработать. Цеха и игровые площадки, находившиеся вне тюремного здания, закрыли из-за постоянных беспорядков, которые учиняли там заключенные. Кроме того, дважды кто-то воспользовался дронами, чтобы сбросить во внутренний двор подозрительного вида пакеты. Тюремные власти уже обратились с просьбой выделить дополнительные фонды для пресечения подобных попыток. За тридцать минут взаперти Гэбриел двадцать раз отжался от пола. Меньше чем за неделю он довел число упражнений до ста. Двадцать за один раз, всего пять подходов. До того как оказался за решеткой, он едва справлялся с четвертой частью такой нагрузки, потом начинался приступ астмы. Гэбриел сообразил, что дыхательный аппарат состоит в том числе и из мышц, а они нуждаются в тренировке, и теперь выполнял пять раз по двадцать отжиманий в день, делая небольшие паузы, чтобы отдышаться.

Он как раз заканчивал, когда двери стали открываться.

Общий сбор.

Гэбриел заметил, что с каждым разом все меньше людей смотрят на него во время переключки, посчитав это добрым знаком. Он уже не был новичком, непредсказуемым и незнакомым, и не сделал ничего из ряда вон выходящего или способного создать переполох, а потому теперь вызывал не больший интерес, чем остальные заключенные. Иногда казалось, что его вообще не замечают. Если не считать мимолетных контактов с Солом, к нему никто больше не приближался. Гэбриел выскальзывал из камеры и возвращался в нее, а соседи и бровью не вели. Все, как он и хотел. Переключка закончилась, и он вошел к себе.

– Уэбб? – В дверном проеме стоял Барратт.

Гэбриел немедленно вытянулся по стойке «смирно».

– Да, в чем дело?

– Мне сказали, что ты хотел одну из этих штук. Верно? – Барратт протянул ему коробку с новеньким радиоприемником внутри.

Впервые за неделю Гэбриел улыбнулся.

Глава 10

Эдриан шел по своей улице мимо углового магазинчика «У дядюшки Мэка». Оранжевые и серые тона сумерек уже примешивались к свету дня. Детектив давно не заходил в этот магазин. С тех пор как четыре месяца назад выяснилось, что заведение вовлечено в преступную схему торговли людьми, расследование которой еще не закончилось. Помещение тщательно обыскали, были наняты новые управляющие, но Эдриан по-прежнему не мог заставить себя войти внутрь. Он вспомнил о давней подруге Еве, работавшей здесь, и подумал: пересекутся ли когда-нибудь их пути. Мысль взволновала его. Новая встреча заставила бы справиться с чувством вины. Они так часто и подолгу бывали вместе, что Ева могла бы рассказать ему, в какое тяжелое положение попала, как ее насильно привезли сюда и принудили к рабскому труду. Конечно, он не виноват в том, что она молчала. Но если начистоту, Эдриан и сам мог бы догадаться, почувствовать что-то глубоко неправильное. Так что теперь за покупками он ходил в ближайший супермаркет на главной улице города. Лишние пятнадцать минут ходьбы словно были частью наказания, что, правда, нисколько не помогало облегчить муки совести.

Телефон, лежавший в кармане, издал сигнал. Пришло сообщение от сына. Два месяца назад, после зловещего визита его отчима Доминика, Эдриан попросил Тома выходить на связь каждое утро. Он умолял сына приезжать и жить у него хотя бы раз в две недели, но тот отказался, заявив, что должен оставаться дома и присматривать за матерью. Это сообщение напомнило о необходимости проверить, добился ли Гэри прогресса в секретном расследовании дел Доминика. Он ответил Тому, написал Гэри и убрал телефон.

Только подойдя к двери и порывшись во всех карманах, Эдриан обнаружил, что там нет ключей. В который раз! Дурацкая забывчивость! Он обогнул дом по боковой стене и оказался на аллее, куда выходили террасы соседских коттеджей. Только бы задняя дверь была открыта! Замок в ней имел сложную конструкцию, и Эдриан редко запирает его, потому что постоянно забывал ключи. Он перебросил через ограду пакет с хлебом и молоком, надеясь, что бутылка, как всегда, уцелеет. Затем перелез через кирпичный забор, обозначавший границу его владений, отметив, что это дается ему все труднее. Он явно теряет форму.

– Взлом и незаконное проникновение?

Эдриан оглянулся и на аллее, по которой только что прошел, увидел Люси Ханниган. Она снимала на телефон, как он пыхтит, перебираясь через забор.

– Просто забыл ключи.

Он перебросил ноги, и журналистка пропала из вида.

Задняя дверь не была заперта. Эдриан вошел и направился к прихожей. Очертания фигуры Люси, стоявшей у порога, ясно различались сквозь матовое стекло. Она нажала на кнопку звонка.

– Не представлял, что увижу вас здесь.

Он открыл дверь и улыбнулся.

– Не бойтесь, на ночь не останусь.

Она вошла, держа руки в карманах.

Эдриан пожал плечами.

– Как пожелаете. Откуда у вас мой адрес?

Уж не привозил ли он ее сюда в прошлый раз? От попыток вспомнить их первую встречу у него начинала болеть голова.

Люси ткнула себя пальцем в грудь.

– Я ведь репортер, специализирующийся на уголовных делах. Или вы и об этом забыли?

– Не забыл.

– Нашла ваши координаты в интернете. Учитывая, что не так давно возле вашего дома толпились журналисты, это оказалось проще простого. Правда, пришлось дожидаться вашего появления. Честно говоря, не предполагала, что вы встаете так рано.

– Понятно. Чем могу быть полезен?

– Я выяснила имя вашего пропавшего.

– Неужели?

– Это был бездомный, который часто спал в старой сигнальной будке. Его звали Брикс.

– Как вы это узнали... Хотя нет, не говорите... Вы нашли имя в интернете, да? – Эдриан одарил ее саркастической улыбкой.

– Нет, хотя порой и это срабатывает. Просто у меня есть связи с уличными бродягами. Они знают, насколько близко к сердцу я принимаю проблему бездомных, а это означает, что люди, которые не станут ничего говорить вам, могут поделиться информацией со мной. Я провела несколько месяцев, работая среди обездоленных, чтобы собрать материал для разоблачительной статьи, и они, думаю, благодарны, что хоть кто-то интересуется их бедами. Я побеседовала с Клэр Джонсон – с леди, телефон которой вам дала, – и она рассказала, кого вы ищете. Затем я пораспросила еще кое-кого и нашла тех, кто хорошо знал бедолагу. Так и удалось установить его подлинное имя и фамилию.

– И как же его звали?

– Теодор Рэмзи, или Тедди Рэмзи. Брикс – это кличка.

Эдриан кивнул, запоминая имя и фамилию.

– Что же, спасибо, что поделились. Вы уверены, что не хотите выпить или чего-нибудь еще?

Он надеялся на согласие. Нечто в ней манило. Он не мог понять, почему ему не удастся вспомнить Люси. У нее густые русые волосы, небрежно раскинутые по плечам, что даже добавляет им привлекательности. Глаза ярко сияют, особенно в обрамлении линий коричневого косметического карандаша, намеренно чуть смазанных в уголках. Казалось, она принадлежала к числу женщин, которых невозможно легко забыть. А он почему-то забыл.

– Нет, спасибо. Мне нужно успеть сделать запись в ежедневном блоге. – Она подмигнула ему и повернулась к двери.

– Звучит, как очень важное дело. Я тоже попаду в него?

– Не попадете, пока не сделаете чего-нибудь интересного, – бросила Люси уже на ходу.

Эдриан наблюдал, как она скрылась за углом. Ему все еще казалось, что журналистка ведет себя пренебрежительно. Значит, у нее сложилось о нем определенное мнение. Ничто не будоражило Эдриана больше, чем отсутствие у красивой женщины хотя бы малейшего интереса к нему. Что он умудрился натворить при первой встрече, что она настолько разозлилась?

Эдриан закрыл дверь, широко улыбаясь. Затем вернулся в дом, но, когда проходил мимо гостиной, почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Даже не заглянув в комнату, он знал, что там кто-то есть.

– Не бойся. Я пришел просто поговорить.

Эдриан распахнул дверь и увидел Доминика, удобно устроившегося на диване в расслабленной позе, словно ему доводилось сидеть там прежде миллион раз и это совершенно нормально.

На Эдриана нахлынула волна ярости.

– Ты не можешь вторгаться сюда, когда тебе захочется.

– Как видишь, могу. – Он передернул плечами.

Тот факт, что Эдриан – офицер полиции, явно не пугал Доминика, и это тревожило детектива.

– Что тебе нужно, Доминик?

– Обычная проверка. Хочу знать, о чем ты думаешь.

Эдриан бросил взгляд на обеденный стол. Сумка с документами, над которыми работали они с Гэри, лежала на его дальнем краю, ее явно не трогали. Бумаги хранились в обычном пакете из супермаркета и, кажется, не показались визитеру чем-то важным.

– Что именно ты проверяешь?

– Хочу знать, что ты хорошо себя ведешь.

– Убирайся, пока я не позвонил в полицию.

– Брось, Эдриан, тебе меня не испугать, и ты прекрасно это знаешь, – улыбнулся Доминик. – Вообще-то, я пришел поговорить о Томе.

– О Томе? – Эдриан чувствовал приступ тошноты всякий раз, когда Доминик произносил имя его сына.

– Да. В последнее время он стал не слишком послушен, и я подумал, что ему не повредит немного стабильности. Поэтому ты не увидишь его в ближайшие несколько недель.

– Ты не можешь так поступить.

– По решению суда нам необходима твоя подпись, чтобы вывезти Тома из страны. У него выдался тяжелый год. Думаю, с этим ты согласишься. Он достоин отдыха за границей, это заслуженное удовольствие.

– О чем ты? Куда вы собираетесь увезти его?

– Пока не решили, но, боюсь, ему придется какое-то время потерпеть без встреч с тобой по выходным. Мы с Андреа сошлись во мнении, что эти визиты плохо на него влияют.

– У меня есть соглашение об опеке.

– Разумеется, речь об огромной услуге с твоей стороны. И я прошу о ней по-хорошему.

– Что ж, тогда я так же по-хорошему отвечаю отказом.

– Знаешь, а ведь я могу устроить, что ты вообще никогда не увидишь их обоих. Они просто исчезнут, и все.

В разговоре наступила пауза. Эдриан не мог поверить, что Доминик сказал именно это. Он что, угрожает убить их? Эдриан знал о связях Доминика с мафией, занимавшейся торговлей людьми, и это добавляло весомости словам гостя. Но сейчас на руках у полицейского нет ничего, никаких конкретных доказательств, чтобы одолеть противника. Инстинкт нашептал: убей его. Но кому это поможет?

– Почему ты так поступаешь? За что превращаешь мою жизнь в ад?

– Ты мне не нравишься.

– Я ясно дал понять, что Андреа меня больше не интересует, так какую угрозу я могу представлять?

– Никакой, конечно же. – Доминик встал и отряхнул пальто, словно только что упал в грязь. – Но, Эдриан...

– Что?

– Если я узнаю, что ты суешь нос куда не следует, ты об этом горько пожалеешь. Тогда уж точно не видать тебе сына никогда.

Сердце гневно стучало в груди, но Эдриан старался не замечать этого. Нельзя поддаваться эмоциям, хотя сейчас его мучило горячее желание впечатать кулак в очень дорогую фарфоровую улыбку Доминика. Вместо этого он отступил на шаг, чтобы пропустить визитера в прихожую. Но тот не двинулся, лишь пристально уставился на Эдриана холодным взглядом, от которого заныло в груди. Так смотрят смертоносные черные глаза акулы. А потом на губах Доминика заиграла улыбка, и он направился к входной двери. Эдриан следовал за ним, чтобы быть уверенным, что гость покинул его дом. Доминик ни разу не оглянулся, так и отправился дальше вдоль улицы. Детектив закрыл за ним дверь. Ему хотелось посмотреть в окно, убедиться, что Доминик не возвращается, но это выглядело бы проявлением трусости, а Эдриан много лет назад дал себе слово, что никому не позволит запугать себя. Оставшись в прихожей один, он несколько раз ударил кулаком в стену, давая волю накопившейся ярости.

Да как он смеет? Незваным являться в его дом, играть судьбами родных ему людей, пусть формально они и бывшие члены семьи! Сейчас Эдриан чувствовал, что бессилён против этого человека. Надо было собрать больше материала, прежде чем предпринимать что-либо. Если он не поспешит, то подвергнет опасности сына, а именно этого он хотел меньше всего. Терпение – не то свойство характера, которым Эдриан обладал в избытке, но сейчас надо быть умнее противника. Придется вести долгую игру, нельзя прибегать к излюбленной тактике – сначала бей, потом спрашивай. Он потер заболевшие костяшки пальцев и постарался успокоиться. Нельзя дать Доминику возможность использовать связи, нажимая на нужные кнопки, нельзя позволить мерзавцу выйти победителем и на сей раз.

Глава 11

Никто не упоминал имени Джейсона с того самого вечера, когда Гэбриел попал в тюрьму. Камера осталась в его единоличном распоряжении, и, несмотря на невыносимое одиночество, так он чувствовал себя в большей безопасности. Все прошлые ночи его мучила бессонница, а после предутреннего визита незнакомцев в его камеру он стал спать еще хуже. Гэбриел опасался, что это повторится, но ничего подобного больше не происходило.

Соломон Бэнкс стал заходить за ним перед каждым приемом пищи, и они шли в столовую вместе. Гэбриел чувствовал, что потихоньку приспосабливается к тюремному распорядку. Общие сборы объявлялись несколько раз в день, нарушая тоскливые часы, которые он проводил в камере, поскольку приказ о разрешении работать начальство еще не утвердило. Ему приходилось коротать часы, пока почти все заключенные из его крыла трудились в столовой или в прачечной. Не было недостатка и в вакансиях на мытье полов. Но самой желанной для всех эков была работа в библиотеке: чистая, спокойная, вполне цивилизованная. С нее не приходили насквозь мокрыми и грязными. Но Гэбриелу пока не разрешали даже записаться на какие-либо из многочисленных курсов для заключенных. Для этого требовался вынесенный приговор, а ему еще даже не назвали приблизительную дату суда.

Тяжесть на сердце, которую он поначалу ощущал в тюрьме, стала привычной частью повседневной жизни, и Гэбриел даже перестал замечать страх, просто продолжал влачить существование обычного заключенного. Тревога стала чем-то вполне нормальным. Он следовал строгим правилам и говорил сам, только если к нему обращались. Друзей не завел, но и врагов не нажил. Гэбриел понимал, что в его тюремном крыле наверняка существуют разные группировки, и пытался выяснить, какие из них наиболее опасны, чтобы избежать их всеми силами.

Трудно было сдерживать желание рассмеяться, вступить в интересный разговор; Гэбриел чувствовал, что каждый прожитый день медленно стирает его личность. Он считал это наименьшим из того, что заслужил.

Двери открыли перед обедом, Гэбриел вышел из камеры и, как обычно, обнаружил рядом с ней Сола, но только на этот раз в компании еще двоих. Страх, который, казалось, уже стал привычным, мстительно ударил с необычайной силой. Он молнией пронзил мозг и заставил мышцы живота напрячься чуть ли не до судорог.

– Расслабься, Гейб. Это Кензи, а это Спаркс. Они занимают соседнюю с моей камеру, – усмехнулся Сол.

– Привет. – Улыбка не без труда далась Гэбриелу.

Однако он заметил, что спутники Сола намного ниже него ростом. В тюрьме вообще было на удивление много низкорослых заключенных.

– Это Гейб.

Кензи с силой пожал Гэбриелу руку. Они были примерно одного возраста, но парень еще не сформировался как мужчина, оставаясь угловатым и неуклюжим с виду подростком.

Спаркс ограничился кивком и пошел к столовой.

– Давайте пожрем сегодня пораньше, чтобы не впихивать в себя остывшие сосиски. Ненавижу холодные сосиски. В них жир застывает, а потом я мучаюсь от поноса.

Однако стоило им подойти к железной лестнице, как Сол вытянул руку, как мамаша, которая запрещает детишкам переходить через дорогу. Гэбриел проследил за его взглядом и увидел группу заключенных, подходивших к подножию лестницы, по которой уже поднимался другой мужчина.

– Надо срочно исчезнуть, – тихо сказал Сол гораздо серьезнее, чем когда-либо прежде.

– Кого-то сейчас избьют. – Кензи казался не столько напуганным, сколько возбужденным.

– Вот ведь засада, мать твою! – посетовал Спаркс. – Я умираю с голода.

Они направились в противоположную от намечавшейся заварухи сторону, но Гэбриел успел увидеть, как один из группы ухватил мужчину на лестнице. Затем сразу трое навалились на него и молниеносными движениями принялись бить кулаками в лицо, ловко сменяясь. Охранник пока ничего не заметил. Сол взял Гэбриела за руку и втащил его в камеру на другой стороне галереи. Человек с бородой имбирного оттенка, которого Гэбриел заметил в первый день, сидел на стуле и читал. Он поднял взгляд и улыбнулся, увидев их. Гэбриелу запомнился оценивающий взгляд, каким он смерил его при первой встрече: его глаза двигались сверху вниз со скоростью улитки, задерживаясь на шее, плечах, торсе, бедрах. Сейчас Гэбриела снова изучали, и от этого становилось сильно не по себе.

– За каким дьяволом вас сюда занесло, негодяи вы отпетые? – Мужчина с имбирной бородой отложил журнал и ненадолго перевел взгляд на Сола.

– Там кому-то устроили серьезную взбучку, – ответил Сол. – Мы просто решили спрятаться.

Теперь по всему крылу доносились крики и звуки шагов.

– Когда же я все-таки смогу досыта пожрать, черт бы их всех побрал? – злобно пропыхтел Спаркс.

– А кто ваш новый приятель?

– Его зовут Гейб. Гейб, а это Ашер.

– Стало быть, Гейб, – произнес Ашер, и искорка промелькнула в его глазах.

Он протянул ладонь, но Гэбриел ограничился приветственным поклоном, а руки не пожал.

Ашер улыбнулся.

– Что ж, как угодно.

– Привет, – с откровенной неохотой сказал Гэбриел.

– Кого там молотят? – спросил Ашер у Сола, опираясь на его плечо, чтобы выглянуть в проем двери.

– Энди Уелша. Перехватили на лестнице. Похоже, плохи его дела, – ответил Сол.

– Может, они наконец распробовали его стряпню? – попытался пошутить Спаркс.

– А разве Уелш не с тобой сидит? – снова спросил Ашер у Сола. – Твои сокамерники сгорают чаще, чем у кого-либо другого.

– Я все равно хотел просить перевести меня в другую камеру. Уелш круглый идиот, – сказал на это Сол.

Спаркс быстро высунул голову из камеры, чтобы посмотреть на происходящее снаружи.

– Запереть двери! – послышалась громогласная команда, отданная Барраттом.

– Нам надо быстро вернуться к себе?

– Не надо. Оставайтесь здесь. Они просто хотят убрать всех из крыла, чтобы устранить следы избиения, – сказал Ашер.

– Как думаете, его прикончили? – спросил Спаркс.

– А тебе лишь бы хреновы сплетни собирать, – резко оборвал его Сол.

– Мне пойти взглянуть? – предложил Кензи.

– Не парься. Он явно живой. Иначе началась бы суeta покруче этой, – сказал Сол, которому, как обычно, не изменил здравый смысл.

– Сосиска и пюре, вот чего я хочу, и только-то, – проворчал Спаркс.

– Хватить уже нытья про столовскую отраву! – рявкнул на него Кензи, обвивая руками живот. – По крайней мере, если готовить будет не Уелш, мы к ужину можем получить что-то съедобное.

Гэбриел ел немного и успел похудеть с тех пор, как угодил в тюрьму, но загвоздка заключалась в том, что каждая трапеза была настолько скудной, чтобы заключенный мог продержаться до следующей, а потому любая задержка становилась ненужной жестокостью, лишним злобным напоминанием, где они находятся. Можно почти уговорить себя и притвориться, привыкнув к повседневной рутине, что все хорошо и такое положение не продлится вечно. Но потом вдруг осознать, что считаешь завтраки, обеды и ужины, помогающие выжить в тюремных стенах. Гэбриел замечал людей, явно употребляющих наркотики даже здесь, но понятия не имел, где они их берут. Впрочем, и не желал ничего знать об этом. Ему посоветовали, для его же блага, до судебного заседания вести себя как можно незаметнее.

– Ладно, парни, теперь можете получить свою еду. – В дверь камеры постучал несколько растрепанный Барратт.

Гэбриел заметил, что этот охранник всегда выглядит взъерошенным и пахнет от него не слишком приятно. У него внешность человека поизносившегося, который уже не в состоянии придерживаться общепринятых стандартов. Может, он развелся, теперь живет один после многих лет в браке и никак не свыкнется с переменами. Он ходил в потертых ботинках, швы обтрепались, а мундир украшали многочисленные пятна, которые, казалось, легко оттереть, стоит лишь попытаться. Словом, впечатление создавалось такое, будто Барратт махнул на себя рукой. Или такого рода апатия рано или поздно нападает на всех, кто служит в тюрьме?

Они вышли из камеры, Ашер следовал за ними в двух шагах позади. Незнакомый заключенный шваброй смывал кровь с нижних лестничных ступеней. Гэбриелу снова стало дурно, но никто ничего не замечал, переступая через лужи так, словно это пролитый компот. Заключенные прошли в столовую и продолжили разговор о пище, которую там подают. А Гэбриел даже думать не мог о еде, у него напрочь пропал аппетит.

– Ты уже принимал душ? – спросил Спаркс.

– Нет. По-настоящему пока не получилось.

– Я так и думал. От тебя слегка пованивает, приятель.

– Дерьмовые случаи в душе происходят очень редко. Это тебе, знаешь ли, не кино, – поспешил вставить Сол, словно чувствуя тревогу Гэбриела.

– И охрана дежурит прямо напротив. За душем постоянно наблюдают. Такое условие им поставила последняя инспекция, – добавил Спаркс.

– Послушай, Гейб, тебе нужно немного спустить пар, войти в свою колею, – продолжал Сол. – Здесь каждый старается вести себя как можно незаметнее, отбыть срок и выйти к чертовой матери на свободу. Не позволяй всякой ерунде нагонять на тебя страх. А если ты думаешь о бывшем сокамернике, Джейсоне, то он был просто идиотом, вот и весь сказ. Но если уж ты так напуган, подай прошение о переводе в мою камеру.

Казалось, Сол окончательно списал в расход последнего соседа, которого, должно быть, именно сейчас везли на каталке в лазарет.

Гэбриел вздохнул.

– Что же все-таки стряслось с Джейсоном? Кто-нибудь знает?

– Он сейчас в лазарете, а потом его переведут в крыло Д. Если, конечно, он выкарабкается, – ответил Сол.

Складывалось впечатление, что он знает обо всем, происходящем в тюрьме. Люди часто обращались к нему по самым разным вопросам.

– Лучше не упоминай о нем вслух. Не приведи господи услышат шавки из охраны, это их разозлит всерьез, – посоветовал Спаркс.

– Почему? – спросил Гэбриел.

– Потому что ты лишний раз напомнишь им, насколько мало у них здесь власти. Если мы все как один дружно решимся начать бучу, мало не покажется, – прошептал в ответ Спаркс.

– Послушай, Гейб, на самом деле я удивлен, что ты так долго сидишь один, и мне бы не хотелось, чтобы нового соседа тебе выбирали, как в лотерее, – сказал Сол. – Тебя не оставят в одиночестве навсегда, и ты не можешь знать, с кем придется делить камеру. Но вот если все заключенные будут знать, что ты сидишь со мной, тебя оставят в покое, могу гарантировать.

– Ага. В покое, как Уелша только что. – Спаркс подмигнул Кензи, и они рассмеялись.

– Да, но я только дожидаюсь суда, а тебе уже вынесли приговор. – Гэбриел не обратил внимания на насмешки и продолжил разговор с Солом.

– Если подашь запрос, его непременно рассмотрят и одобряют. Только если не решат, что мы с тобой шерочка с машерочкой типа, – уверил Сол.

– А такое бывает?

– Бывает, но нужно, чтобы тебе очень повезло. – Кензи рассмеялся и подмигнул ему.

– Прости, я не это имел в виду. – Гэбриел почувствовал, как краснеет.

– Не беспокойся, парень. Меня такие, как ты, не интересуют.

– Кензу нравятся мужички постарше. – Теперь уже Спаркс расхохотался, а Кензи ударил его локтем в бок.

– Эй, вы там! – прокричал надзиратель Хайд через всю столовую. – Заканчивайте веселье!

– Просто шутим между собой, сэр, – ответили они почти в унисон.

Гэбриел инстинктивно обернулся, чтобы посмотреть на Ашера. Сам не понимал, зачем бросил взгляд, его словно подтолкнули. Человек с бородой имбирного оттенка снова пристально разглядывал его с выражением лица, которое не просто тревожило. Оно вызывало страх.

Глава 12

Имоджен остановила машину перед домом Эдриана и посигналила. Он сразу вышел, жуя большой бутерброд, и устроился на пассажирском сиденье.

– Не хватало только крошек в салоне. – Имоджен нажала на педаль газа, прежде чем Эдриан успел как следует закрыть дверь.

– Я установил подлинное имя и фамилию Брикса. Его зовут Теодор Рэмзи. Кстати, и тебя с добрым утром.

– Знаем ли мы наверняка, что он отбывал срок в тюрьме, и если да, то когда его освободили? Какова вероятность, что именно его тело обнаружили в сгоревшей сигнальной будке?

Имоджен резко вывернула руль влево, одновременно засыпая Эдриана вопросами.

– Мы пока не знаем ничего, кроме его настоящего имени. Я отправил Гэри сообщение с просьбой поискать любую полезную информацию.

– Почему бы нам не заняться этим самим?

– Он как раз позвонил. Я сказал, что мы скоро будем в участке, и он сам спросил, не может ли чем-то помочь, – с легкой обидой оправдался Эдриан.

– Думаю, он немного запал на тебя, строго по-мужски.

– Что значит «запал»?

– Ну, это чувство к человеку, с которым ты не сможешь по-настоящему сблизиться и на самом деле даже не хочешь. Что-то вроде восхищения, наверное. Не знаю, я не мастер точных формулировок.

Пискнул мобильник, и Эдриан посмотрел на дисплей. Гэри пробил Рэмзи по компьютеру. Тот действительно сидел в тюрьме, но уже вышел на свободу. Однако в системе уголовных досье удалось найти фотографию, оставшуюся после предыдущего ареста.

– О, славный Гэри. Всегда добывает то, что нужно. Думаю, не запасть ли и мне на него, строго по-мужски.

– Только потому, что он выполняет за тебя черновую работу? – поддразнила Имоджен.

– Перестань. Как бы то ни было, он добыл нам снимок мистера Рэмзи. Тот, видишь ли, решил искупаться в городском фонтане несколько лет назад, был задержан и сфотографирован в участке.

– Похоже, он тоже славный малый. Но кто сообщил тебе его подлинное имя и фамилию?

– Люси Ханниган. Она заскочила ко мне сегодня утром, чуть раньше.

Имоджен вопросительно посмотрела на него.

– Значит, она его знала?

– Да, она сказала, что располагает важной информацией, и решила поделиться ею со мной.

– И не смогла удержаться, чтобы сделать это через два часа, в нормальное рабочее время?

– Уж не ревнуешь ли ты?

– Гм... Нет, Майли, для этого ты слишком...

– Хорош? Придерживаюсь высоких нравственных принципов? Или мое чистое личное дело отталкивает тебя?

– Вот теперь в точку. Убей кого-нибудь, тогда поговорим.

Ее лицо немного омрачилось, когда она вспомнила, что ее парень на самом деле убил человека, а может, и не одного.

– Как дела у Дина?

– Тебе действительно интересно или ты просто считаешь такое продолжение разговора логичным?

– Извини! – Он рассмеялся, хотя лицо Имоджен стало мрачнее тучи. – Нет, я серьезно спрашиваю, как у него дела.

– Все в порядке. У него дела идут прекрасно. Только мы по-прежнему стараемся не торопить события.

Имоджен не любила распространяться о Дине. Они познакомились во время одного из расследований, и характер их будущих отношений стал неизбежно ясен уже после первой встречи. Даже очень постаравшись, Имоджен не смогла бы объяснить, почему ее неудержимо потянуло к подозреваемому по уголовному делу, хранящему еще бог знает сколько секретов. Она не считала напарника способным понять такого рода связь, потому что, насколько ей было известно, расставшись с Андреа, своей женой и матерью Тома, он довольствовался случайными встречами на одну ночь.

– Уверен, у вас все будет хорошо.

Эдриан сунул в рот последний кусок бутерброда.

Имоджен внезапно резко нажала на тормоз, и их обоих кинуло вперед, причем Эдриан чуть не врезался головой в приборную панель и подавился бутербродом.

– Извини, нога случайно соскользнула.

Она свернула на стоянку при полицейском участке и на этот раз затормозила по всем правилам.

Гэри терпеливо ждал, стоя у рабочего стола Эдриана. Имоджен порой казалось, что эксперт равнодушен к ней, но, оценивая его готовность выполнять поручения напарника, понимала, что, скорее всего, это не так. Он просто их общий преданный друг и хороший полицейский. Гэри принадлежал к числу немногих людей, которым она полностью доверяла. Как Эдриану и Дину. Обычно на работе она старалась выбросить из головы мысли о своем парне, словно кто-то мог прочесть их и узнать ее секрет. Жить с подобным ему означало подвергаться более тщательному наблюдению, порой совершенно излишнему. Имоджен прекрасно понимала это, но прервать отношения уже не могла. После абсолютно неудачного и никчемного романа с бывшим боссом Дин стал для нее не только желанным любовником, но и мужчиной, на которого она могла опереться, и к черту подробности.

Гэри передал Эдриану папку, тот положил ее на стол и раскрыл.

– Хотя Брикса несколько раз задерживала полиция, против него только однажды выдвинули серьезное обвинение – в прошлом году после попытки ограбить почтовое отделение, – сказал Гэри. – Он провел некоторое время в тюрьме предварительного заключения, но в суде дело рассыпалось, и несколько месяцев назад он вышел на свободу. В досье нет оценки его личности с точки зрения психиатра, поскольку проходить обследование он отказался. Поэтому, если у него и есть отклонения, насколько я могу видеть, официально они не зафиксированы.

– Что-нибудь еще? – спросил Эдриан.

– Его имя всплывает еще в нескольких уголовных делах, но и там он сумел избежать ответственности.

– И это все, что у нас есть?

– Да. Это все.

– Значит, он определенно не сидит сейчас за решеткой? – уточнила Имоджен, пока Эдриан читал рапорты полицейских.

– Совершенно определенно.

Имоджен взяла со стола фотографию. Мужчина с пышной бородой, с головы свисают плотные спутанные дреды. На снимке он выглядел будто под кайфом и несколько не обеспокоен арестом. Выражение лица казалось почти вызывающим.

– Когда сделали это фото?

– В прошлом году. И оно единственное, которое мне удалось найти.

– А что с телефоном Гэбриела Уэбба? Удалось вытащить из него хоть что-нибудь?

– Ничего. Основным контактом является некая Прозерпина. По всей видимости, это его подружка. Вот только, как легко догадаться, имя не настоящее. В телефоне нет ни фотографий, ни указаний, где она живет, где работает и как ее зовут на самом деле.

– Значит, отследить ее телефон невозможно? А если обратиться к оператору?

– Это дешевый телефон, сим-карта куплена, вероятно, в табачном киоске, а значит, не было необходимости регистрировать ее на свое имя.

– Разве такие аппараты не большая редкость?

– Вовсе нет. Многие подростки используют их в качестве второго телефона.

– Зачем?

– Чтобы хранить свои маленькие секреты от родителей. Или если у них еще нет удостоверения личности, чтобы заключить договор с оператором связи. Обычно за них контракты подписывают родители, они платят за звонки и имеют доступ к счетам и номерам. Кроме того, сейчас на рынке появились доступные определители местонахождения телефона, которыми пользуются многие семьи. Быть может, Гэбриел стремился избежать этого.

– Но ведь он уже не ребенок. Ему девятнадцать лет.

– Верно. Только живет он по-прежнему в родительском доме.

Эдриан вновь пролистал документы, добытые для них Гэри, включая снимок Рэмзи, и понял, что теперь у них гораздо больше информации для продолжения расследования, чем полчаса назад.

– Спасибо за все это, Гэри. Ты в своем деле скоро станешь живой легендой, – похвалил коллегу Эдриан. – С меня большая кружка пива как-нибудь вечером.

Гэри улыбнулся и оставил их, дав возможность изучить материалы досье. Насколько могла судить Имоджен, фигурант был скорее занозой в заднице у полиции, чем настоящим преступником. Ни одного нарушения закона с применением насилия, если не считать попытки ограбления почты. Обычно он попадал в кутузку за приставание к прохожим или его подбирали на улице мертвецки пьяным. Но все же Брикса дважды задерживали именно в старой сигнальной будке.

– Что ты об этом думаешь? – спросила Имоджен.

– Даже не знаю, к каким выводам приведет это досье. Пока мы не можем даже доказать, что наш мертвец – именно Брикс.

– Я предлагаю исходить из этой версии. Получить ДНК трупа никак не удастся. Доложим Капур о Бриксе или повременим?

– Я бы не торопился с докладом. Давай немного придержим досье.

– Значит, придержать досье? Раньше ты не делал ничего подобного! Это никак не связано с Люси Ханниган, волоокой журналисткой, пишущей статью о бездомных?

Эдриан улыбнулся и закрыл папку.

– Не связано никоим образом...

Глава 13

– Аллю!

– Привет, Люси. Это детектив Майлз. – Он почувствовал, как девушка улыбается, и удивился, что способен «слышать» улыбку. Странная штука. – Хотел спросить, занята ли ты сегодня вечером. – Повисла пауза. Эдриан продолжил: – Ты ужинаешь с друзьями? Или я могу угостить тебя в баре? Появилась интересная информация. Мы могли бы проанализировать ее вместе, поискать новые ниточки.

– Боюсь, я уже легла спать, детектив, – ответила Люси. – Мне завтра рано вставать. У тебя есть еще пожелания?

Разумеется, Эдриан мгновенно представил, как она вытянулась в постели. Все женщины спят обнаженными, верно же? Он снял пальто и одной рукой расстегнул пуговицы на рубашке, поднимаясь в спальню и готовясь лечь в собственную кровать.

– Если честно, выдалась тяжелая неделька. Может, мне просто нужен кто-то, способный на жесткий разговор.

Эдриан уставился в потолок и понял, что не помнит, когда в последний раз ложился спать вовремя, правда, и сейчас он устроился поверх покрывала, не раздеваясь. В последнее время он засыпал внизу на диване. Отрубался с бутылкой спиртного в руках.

– Получается несправедливо, вот что я тебе скажу. Мне трудно злиться на тебя, если ты сам себя ненавидишь.

– Значит, ты все-таки меня ненавидишь? Это сильное выражение.

– Это сильная эмоция. Скажи, ты все еще не вспомнил меня? Нужна только правда, учти.

– Нет. Если честно, не вспомнил. Подбрось хоть какой-то намек.

– Нужен намек? – Она рассмеялась. После долгой паузы сказала: – Мы встретились однажды на общественной лужайке перед собором, в обед. Я сидела там с друзьями, а ты устроился на стене и скармливал сэндвич голубям. Мне показалось, что ты обожаешь этих птиц, потому что ты подошел к нам и попросил остатки нашей еды, чтобы продолжить.

– А ты сказала, что не стоит этого делать, потому что голуби – разносчики паразитов. – Теперь он вспомнил, как она лежала на траве, опираясь на локти.

– Именно так.

– Ты мне ничего не давала, и пришлось пойти на маленький подкуп. Твои друзья разошлись, а мы вдвоем отправились выпить.

– А! Наконец-то ты меня вспомнил.

– У тебя тогда были совершенно другие волосы – черные и короткие. К тому же мы оба много выпили. Во всем виноват алкоголь.

– Ладно, жалкий притворщик. Так и быть, поверю.

– Да, хороший выдался денек, только, насколько помню, ты постоянно обыгрывала меня на бильярде.

– Точно. Я выиграла все партии до единой. – Она зевнула.

– Оставлю тебя в покое, чтобы ты завтра никуда не опоздала.

Его всерьез смутила собственная забывчивость. Им ведь было хорошо вместе. Оправдало только то, что она почти полностью изменила внешность, но он понимал, насколько жалкая это отговорка.

– Что же, спасибо за звонок, детектив. Он запоздал всего лишь на год.

– Спокойной ночи, Люси, – улыбнулся он в трубку.

Эдриан нажал отбой и расстегнул ремень, вынул его из петель и швырнул в угол. Затем опустил молнию на джинсах и сунул руку под резинку трусов. Телефон зазвонил. Эдриан

посмотрел на дисплей и усмехнулся. Это была Люси. Он ответил. Несколько мгновений в трубке молчали. Слышалось лишь легкое дыхание.

– Знаешь, я вдруг поняла, что не так уж и устала, – сказала наконец Люси.

Он почувствовал, как стало тесно в наполовину расстегнутых джинсах, когда она заговорила. Теперь ее голос звучал иначе. Улыбки в нем определенно больше не слышалось.

– Это будет слишком банальное клише, если я спрошу, во что ты сейчас одета?

– В футболку и трусики. Боюсь, ничего особенного. А ты сам? Где ты сейчас?

– Лежу на своей кровати полностью одетый.

– Да, но где твои руки?

– Одна держит телефон, как ты понимаешь.

Снова повисла пауза.

– Ты помнишь мое тело, детектив?

– Да, у тебя есть татуировка.

– У кого ее нет в наши дни?

– У тебя на лопатке черная роза с длинным усеянным шипами стеблем.

– А что еще ты обо мне вспомнил?

– Теперь абсолютно все.

Глава 14

Патти Уоллис в пятый раз за вечер задернула тюль на окне гостиной. Мальчишки на улице устроили фейерверк, длящийся час, если не дольше, а ее собака по кличке Пиклс просто с ума сходила от громких звуков. Хорошо, что малолетние хулиганы не затеяли что-нибудь похуже. В прошлый раз они украли ее висячую корзину с цветами и перебросили через ограду церкви Святого Леонарда.

Патти слышала легкое похрапывание Альфа, раздававшееся каждый раз, когда диктор телевизионных новостей брал паузу, чтобы восстановить дыхание. Ей пришлось значительно увеличить громкость, поскольку храп становился все громче. Пес заскулил и уткнулся в ноги хозяйке, когда шум с улицы приблизился и наконец стих. Собака зарычала и бросилась в заднюю часть дома. Хлопнула навесная дверца для домашних питомцев, животное выбралось в сад. На самом деле ход предназначался для кошек, но Пиклс из-за своих размеров еле-еле заслуживал звание собаки, хотя и был для хозяйки гораздо лучшей компанией, чем Альф. Пес хоть что-то понимал в отличие от мужа. Он вскидывал уши и мотал головой, когда хозяйка обращалась к нему, а Альф почти полностью оглох.

Миссис Уоллис вздохнула. Она легко дала правильный ответ на вопрос начавшейся по телевизору викторины и пожалела, что этого никто не слышал. Она всегда прекрасно собирала головоломки и лучше всех соседей угадывала слова в играх. Дальше будет программа «Играй или сдавайся», а это значит, что приближается время ужина. Сегодня у них мясной пирог с картофельным пюре. Последнее пришлось купить в магазине, поскольку у Патти уже не хватало сил взбить картошку до желаемой кремовой консистенции. Хотя, если честно, она давно потеряла интерес к кулинарии. К тому же Альфу стало совершенно все равно, что есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.